



Перед Вами электронная версия книги «МОЙ ИЕРУСАЛИМ», Полина Кляйнер.

Введение

Если меня просят показать Иерусалим, я почти никогда не отказываю. Правда, предупреждаю, что покажу не официальные места, а свои, может и не совпадающие с общепринятыми маршрутами. Словом, начну не со Стены плача. Она будет завершающей. Прикрыв головы, мы непременно подойдем к ней, притронемся к ее древним камням, сквозь которые пробивается зелень, вложим записки в расщелины Стены с просьбой к Б-гу помочь нам жить или выжить, дать здоровье - да мало ли о чем можно просить у Всевышнего - и, если умеем молиться, помолимся, если нет - постоим в почтительном молчании перед святыней и, не оборачиваясь к ней спиной, удалимся. И наверное, еще очень долго нас будет не покидать ощущение причастности к этой святыне и встречи с настоящим, которое уже было. Не скрою, подойдя к Стене плача в первый раз, я вдруг почувствовала, что я ее уже видела. Не в грезах, не во сне, а наяву, и что она, Стена плача, всегда была со мной. Это может показаться странным, но так и происходило.

У каждого человека есть свой любимый город, а в нем свои любимые места. Это естественно. Вот и в Иерусалиме одни видят узкие кривые улочки с уныло однотипными домами и застиранным бельем на балконах, других притягивает и одновременно отталкивает ультрарелигиозный Меа Шеарим с подростками в пейзах и стариками, в тридцатиградусную жару одетыми в черные лапсердаки и широкополые шляпы. Туристы-евреи бегают по христианским местам, умиляясь церквям и монастырям и, возвратившись на свою географическую родину, в письмах на историческую с беспокойством спрашивают, сняты ли леса с Троицкой церкви. Ну, а многие просто в восторге от всего, что видят в Иерусалиме, и считают его самым красивым городом на свете.

Я так не считаю. За семнадцать лет жизни в Израиле я успела побывать во многих странах: в Швейцарии и Германии, Италии и Франции, Египте и Чехии. Иерусалим не может сравниться ни с Парижем, ни с Римом, ни с Лондоном, ни с Прагой. И все же я не променяю его ни на один город на свете, возможно, более красивый и более ухоженный. Он особый, не боюсь сказать - уникальный. Из семидесяти названий города по крайней мере шестьдесят содержат указание на его святость. В чем она? Для евреев в том, что Иерусалим - центр иудейской религии, спасшей народ от исчезновения, в том, что здесь находились Первый и Второй храмы, в которых хранился Ковчег Завета. Иерусалим - это избранная Б-гом вечная столица евреев, рассеянных по всему миру, но в конце концов возвращающихся на свою землю, завещанную им Б-гом.

Для христиан святость Иерусалима связана с пребыванием в нем Иисуса, его распятием и воскрешением.

Для мусульман это третий (после Мекки и Медины) святой город ислама, город, откуда Мухаммад, как говорит легенда, совершил путешествие на небо, где повстречался с Аллахом.

Таким образом, для трех монотеистических религий святость Иерусалима несомненна: для иудейской, возникшей в 13 в. до н.э., когда Моше получил на горе Синай Скрижали Завета для христианской, отпочковавшейся от иудейской в 1 в. н.э. для ислама, восходящего к 7 в. н.э. и вобравшего в себя некоторые положения обеих религий.

Три монотеистические религии имеют, вполне естественно, и свои молитвенные дома: синагоги, церкви и мечети. Поэтому неудивительно, что в Иерусалиме можно услышать и звуки шофара, и пение муэдзинов, и звон колоколов. Существование различных религиозных отправлений, многоголосица, разностильность строений и разноликость толпы создают особый колорит города, который не спутаешь ни с одним другим.

Отличительная черта Иерусалима - зримое присутствие истории. Здесь каждая эпоха, каждый правитель оставили свои следы, и теперь археологи их обнаруживают и выставляют на всеобщее обозрение. Подземный иродианский квартал и музей "Сожженный дом", древнейшие

фортификационные сооружения, цистерны для сбора дождевой воды, полуразрушенная широкая стена 8 в. до н.э., прямые улицы с отполированными миллионами ног мостовыми, колоннами, украшавшими дворцы, жилища с различной домашней утварью, миквы - все эти безмолвные свидетели нашего прошлого составляют неотъемлемую часть Еврейского квартала Старого города.

Пожалуй, ни в одном израильском городе так наглядно не прослеживается судьба народа, как в этом. Знать биографию Иерусалима это значит понять, чем вызвано такое причудливое и невероятное, на первый взгляд, переплетение древности с настоящим, откуда этот клубок противоречий, намотанный трехтысячелетней историей и теперь попавший к нам для дальнейшего разматывания. Один Б-г знает, удастся ли нашим внукам его распутать...

Итак, Иерусалиму три тысячи лет. Основал город царь Давид и дал ему свое имя - город Давида. Это имя не прижилось. Однако царь Давид остался в сознании народа великим правителем, объединившим иудеев вокруг Иерусалима, центра политической, религиозной и национальной жизни, - властитель, из рода которого произойдет Мессия. Сын Давида, Шломо (Соломон), воздвиг на горе Мория Храм, простоявший 410 лет. Гора Мория, или Храмовая гора, считается священной: здесь покоится краеугольный камень мироздания (эвен штия) здесь наш праотец Авраам собирался принести в жертву своего сына Ицхака здесь стояли Первый и Второй храмы...

Объединенное Израильское царство, простиравшееся от залива Акаба до реки Эфрат, вскоре после смерти Шломо распалось на два: северное, Израильское, и южное, Иудейское, со столицей в Иерусалиме. Оба еврейских царства подвергались нападениям соседних государств, в особенности Ассирии, а также вели междоусобные войны. В результате в 8 в. до н.э. Северное царство было разгромлено, десять еврейских колен было вывезено, а Иудейское царство простояло еще около ста пятидесяти лет. Кстати, историки подсчитали, что Иерусалим завоевывался более сорока раз. Многовато для одного города - вполне достаточно одного раза, чтобы превратить его в руины, но судьбе было угодно распорядиться Иерусалимом именно так. В 586 г. до н.э. вавилонский царь Навуходоносор разрушил Иерусалим, сжег Храм и увел в плен непокорных иудеев.

Спустя семьдесят лет персидский царь Кир разрешил им вернуться на родину и заново отстроить Иерусалим и Храм. Второй храм простоял 420 лет. Через два столетия еврейская земля попала под власть огромной империи Александра Македонского, который побывал и в Иерусалиме. После его смерти страной правили греческие эллинистические династии Птолемеев (из Египта), а потом Селевкидов (из Сирии). Вследствие антиеврейских законов Антиоха IV началось восстание Маккавеев. В 164 г. до н.э. они изгнали из страны Селевкидов и Иерусалим был провозглашен столицей Хасмонейского царства. Однако ослабленное братоубийственными войнами, оно просуществовало недолго - всего сто лет. В 63 г. до н.э. Иерусалим стал административным центром римского протектората. В правление римского ставленника Ирода Великого (37 - 4 до н.э.) Иерусалим достиг особого расцвета: в городе воздвигались дворцы, великолепные дома, перестраивалась хасмонейская цитадель, ставшая более мощной и величественной, и, наконец, почти заново реконструировали Второй храм. Для этого пришлось расширить площадь Храмовой горы, соорудить опорные стены, одна из которых, Западная, называемая теперь Стеной плача, сохранилась до наших дней.

Утрата политической и национальной независимости, тяжелое экономическое положение в стране вызвали восстание иудеев против римлян. Иудейская война длилась четыре года, и в 70 г. н.э. воины Тита сожгли Второй храм, разрушили город, а раненых и искалеченных либо приканчивали, либо уводили в плен, где они умирали медленной и жестокой смертью. Через 60 лет евреи предприняли еще одну отчаянную попытку восстановить независимость страны. Под предводительством Бар-Кохбы они овладели городом и сумели продержаться в нем три года. В 135 г. римляне захватили Иерусалим. Римский император Адриан жестоко расправился с евреями и приказал запретить им проживать в Иерусалиме. Впрочем, это был уже не еврейский город. Стертый с лица земли, он перестал существовать. На его месте был построен новый, римский, названный в честь Адриана Элия Капитолина, а Иудея переименована в Палестину.

В 324 г. н.э. Палестина попала под власть Византии, признавшей христианство своей государственной религией. В византийский период, длившийся 300 лет, Иерусалим приобрел христианский облик: в нем появились церкви, монастыри, странноприимные дома для паломников и т.д. Храмовая гора, где некогда находилась святыня еврейского народа, была превращена в городскую свалку. Евреям по-прежнему не разрешалось жить в городе. Лишь раз в году, в день 9 Ава, в годовщину падения Первого

и Второго храмов, они приходили на Масличную гору, чтобы оплакать разрушенный Храм и Иерусалим. Христианский проповедник 4 в.н.э., комментатор Библии Иероним писал, что евреям приходится покупать себе право оплакивать развалины собственного города. Несмотря на строжайшие запреты, евреи тайно селились в городе или его окрестностях. Когда в 614 году персы вошли в Иерусалим, евреи оказали им неоценимую помощь, за

что получили право проживать в городе, строить дома и синагоги. Но через 15 лет византийцы вновь завладели Иерусалимом и жестоко расправились с евреями. Неизвестно, как развивались бы отношения между христианами и евреями, если бы Иерусалим не захватили арабы. Это произошло в 638 г., в период правления арабской династии халифов Омейядов. В раннеисламский и последующий периоды евреям разрешалось жить в Иерусалиме и даже возводить синагоги. В 691 г. на очищенной от трехсотлетней свалки горе Мория халиф Малик построил мемориал Куббат ас-Сахра ("Купол над скалой"), неправильно называемый мечетью Омара. По арабскому преданию, со скалы, над которой воздвигли этот монумент, Мухаммад совершил ночное путешествие на небо. В 716 г. резиденция халифов из Иерусалима была переведена в Рамлу, и город не представлял сколько-нибудь серьезного значения для мусульман. За четырехсотлетний период господства арабов в Эрец-Исраэль Иерусалим никогда не был арабской столицей. Мусульмане правили из Рамле, Дамаска, Багдада, Александрии или Каира, но не из Иерусалима. За большой отрезок времени сменилось много правящих династий, конфликтовавших между собой. Иерусалим знал и Омейядов, и Аббасидов, и Фатимидов, и Сельджуков, и Айюбидов. При Омейядах в Иерусалиме жили около 70 еврейских семей, а с 9 в. - караимская община. В течение 30 лет она представляла интересы евреев города, которым, в частности, разрешалось строить дома и синагоги. Однако в более позднее время нередко льготы на строительство отменялись, часто ужесточались правила или законы, ограничивавшие как проживание евреев в Иерусалиме, так и круг их деятельности.

В 1099 г. крестоносцы после четырехмесячной осады города покорили его. Огнем и мечом, во имя креста, они расправились с неверными - мусульманами и евреями. По улицам лилась кровь, доходившая до щиколоток лошадям. Горели синагоги и мечети вместе с евреями и мусульманами, загнанными туда крестоносцами. Опустошенный и вымерший город был объявлен столицей латинского Иерусалимского королевства. Вскоре силами пришлого христианского населения он стал отстраиваться: сооружали подпорные стены там, где были разрушены старые, рыли рвы вокруг стен и Цитадели, строили рынки, сохранившиеся до наших дней возводили церкви и монастыри, обозначали места, связанные с последними днями жизни Христа (Виа Долороза), и, наконец, заново отстроили Храм гроба Господня, сожженный Фатимидами.

Господство крестоносцев в Иерусалиме, включая третий неудачный поход, длилось в общей сложности, с небольшими перерывами, 150 лет.

В 1187 г. султан Египта Саладин изгнал крестоносцев из Иерусалима. Это был первый правитель, который, войдя в Иерусалим, не разрушил его, очевидно, понимая, что самому же придется его восстанавливать. При Саладине была не только возрождена еврейская община, но и разрешен въезд евреям из Йемена, стран Сев. Африки и Европы.

Стремление к миру приводит иногда к неожиданным поворотам истории в нашем регионе. Так, в 1229 г. египетский султан заключил соглашение с императором Римской священной империи Фридрихом II, согласно которому вся территория Иерусалима попадала под власть крестоносцев, а Храмовая гора сохранялась за мусульманами. Однако это соглашение просуществовало недолго: в 1244 г. Айюбиды захватили Иерусалим, разграбили его, вырезали христиан и, конечно, не обошли вниманием евреев. Казалось, можно бы поставить точку: уничтожены христиане и евреи, в Иерусалиме воцарился "мусульманский рай". Но не тут-то было.

В начале 1260 г. в Эрец-Исраэль вторглись татаро-монголы. Спасаясь от диких орд, население оставило Иерусалим, но у Эйн-Харода монголы были разбиты мамлюками, и Палестина вместе с Иерусалимом попала под власть мамлюкского султана. 257-летнее господство мамлюков, правивших из Египта, было отмечено спадом экономического развития города, его запустением, с одной стороны, и, с другой, - ростом миграции населения, в особенности еврейского. Евреи то покидали город в связи с особой годовой податью и ограничениями, наложенными на них, то прибывали в Иерусалим (из Испании, Франции, Англии). К концу мамлюкского правления в Иерусалиме евреев было уже больше полутысячи.

В 1517 году Палестина вместе с Иерусалимом вошла в состав турецкой Османской империи. Турецкое владычество было длительным - 400 лет.

Большая часть строений в Старом городе была построена при турках. Евреям разрешалось жить в городе. Еврейская община Иерусалима была довольно пестрой, состоявшей из различных этнических групп - сефардов, ашкеназов и т.д. К концу турецкого правления в Иерусалиме насчитывалось более 50 тыс. евреев. После Первой мировой войны Иерусалим попал под власть Великобритании, и 11 декабря 1917 г. английские войска вошли в Иерусалим. С 1920 г. город превратился в центр британской гражданской администрации подмандатной Палестины. 14 мая 1948 г. было провозглашено Государство Израиль, а 13 декабря 1949 г. Иерусалим был объявлен единой неделимой столицей Израиля.

Итак, перед нами, как в калейдоскопе или многосерийном фильме, промелькнули кадры трех тысячелетней жизни Иерусалима, от его рождения как еврейской столицы, гибели и до его возрождения. Город покоряли ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне, византийцы, арабы, крестоносцы, мамлюки, турки. Побывали в нем и англичане. Но присутствие евреев никогда не прекращалось. В драматическом водовороте событий не последнюю роль сыграла никогда не исчезающая надежда народа на возвращение в Иерусалим: "Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя..." Этот псалом повторяли не только в вавилонском плену, но и во все последующие тысячелетия. А знаменитые слова "Ле шана ха-баа бе Иерушалаим ха-бнуйа" (в следующем году в отстроенном Иерусалиме) тоже не возникли случайно, а явились плодом тяжелых испытаний и раздумий народа о своей непростой судьбе.

Шло время. Столетия складывались в тысячелетия, одни чужеземцы приходили на смену другим, но маленькая горсточка евреев, едва набираемая на миньян, всегда оставалась в Иерусалиме. Одному Б-гу известно, откуда взялись силы у народа пережить столько катастроф, уцелеть в мясорубке постоянных войн, спорадических переселений и выселений и не раствориться среди других народов, вернуться на свою древнюю землю, вновь ее возделывать, вновь построить свое государство и все начать сначала! Только бы не повторять ошибок прошлого, некогда изменивших судьбу всего народа!

Ворота Старого города

Наше первое знакомство с Иерусалимом начнется с квартала Мишкенот-Шаананим. Это один из красивейших уголков Иерусалима. Попасть туда можно различными путями. Обогнув гостиницу Кинг Дэвид, мы окажемся на узкой проезжей улочке, в конце которой неожиданно возникает небольшой холм, поросший травой, а на его вершине - обдуваемая всеми ветрами беседка с ажурной крышей и белыми каменными столбиками-сиденьями. Вероятно, оттого, что это место как бы на отшибе, вдали от центральной магистрали, здесь сравнительно тихо и гул большого города едва слышен. Отсюда легко прочитывается сюжет эпопеи длиной в три тысячи лет отсюда легко высвечиваются персонажи повествования, облаченные в древние и современные каменные одеяния. Отсюда видна стена Старого города, а за ней поднимаются к небу башни, колокольни, минареты и черепичные крыши домов. Ближе к стенам - узкие ленты шоссе дорог, по которым движутся как жучки машины.

Стену Старого города, лежавшую в развалинах еще со времен мамлюков, построили по приказу султана Оттоманской империи Сулеймана Великолепного в 1537-41 гг. Протяженность ее по окружности 4 км, а высота в зависимости от рельефа местности колеблется от 12 до 20 м. Наверху, внутри зубчатых стен, проложены пешеходные дорожки в два с половиной метра. Так что по стенам можно прогуливаться и любоваться городом.

Об Иерусалиме бытует много легенд - смешных и грустных. На протяжении тысячелетий одни легенды рождались, другие умирали, едва родившись, а третьи живут веками. Вам, например, расскажут, что стены города построены вовсе не потому, что их разрушили мамлюки и не потому, что султан Сулейман Великолепный горел желанием непременно и в первую очередь их отстроить - словно у него не было других дел! Нет, вовсе не потому. Все дело в том, что его сыну приснился страшный сон: будто разъяренные львы пытаются разорвать его на части. Толкователь снов разъяснил: это предупреждение - если стены не будут возведены, сына султана ожидают несчастья. И стены были построены. С семью воротами. Одни из них так и назвали - Львиные. Они украшены барельефами двух пар львов. Львы - символ мамлюков. Кстати, лев - символ колена Иехуды, а значит и Иерусалима, так как его основатель, царь Давид, из колена Иехуды. Эти ворота называются также

Воротами девы Марии. И еще: через Львиные ворота во время Шестидневной войны израильские парашютисты вошли в Иерусалим. Нет, здесь действительно не соскучишься - был и небылицы буквально на каждом шагу!

Итак, в Старом городе было 7 ворот. Отсюда, из беседки, видны лишь одни - Яффские. Когда-то через них отправлялись караваны в Яффо, древнейший портовый город Израиля, и в Хеврон, давший второе название воротам - Хевронские. В 1898 г. в стене возле ворот была пробита брешь для проезда кареты германского императора Вильгельма II. Она существует и поныне, являясь удобной дорогой для въезда современного транспорта в Старый город.

Впрочем, в стенах Старого города теперь восемь ворот. Восьмые по счету ворота, узкие и низкие, были прорублены в 1889 г., их назвали Новыми - в отличие от старых. Отсюда, из этой беседки, они не видны, хотя находятся недалеко от Яффских, в Восточном Иерусалиме. Строительство Новых ворот было вызвано необходимостью осуществлять более тесный контакт с представительствами Ватикана, занимающим, буквально через дорогу от Христианского квартала, великолепное здание из серого камня, увенчанное фигурой девы Марии с младенцем, и называется оно Нотр Дам. Здесь, в Нотр Дам, находятся различные католические учреждения, а также гостиница, бассейн, теннисные корты, читальные и концертные залы.

И немного политики. Правительство Ватикана все еще не признало государство Израиль, но зато в 1965 г. Ватикан отменил епитимью, наложенную на евреев, согласно которой иудеи, жившие во времена Иисуса, а также их последующие поколения несли ответственность за распятие Иисуса Христа. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Однако продолжим рассказ о других воротах, которые отсюда не видны, но, возможно, нам еще придется входить через них.

Если пройти мимо Новых ворот вдоль стен Старого города, можно выйти к Дамасским, или Шхемским воротам. Свое название они получили, как нетрудно догадаться, из-за того, что от них начиналась дорога в Дамаск и в Шхем. Ворота украшены восточным орнаментом и признаны самыми красивыми в городе. Место около Дамасских ворот очень оживленное и благодаря тому, что перед ними в непосредственной близости большая площадка - так что есть, где развернуться, остановиться, поговорить, поглазеть на других и, как говорится, себя показать.

Но самое важное заключается в том, что отсюда, со стороны Восточного Иерусалима, арабам значительно ближе к мечетям на Храмовой горе, а евреям к Стене плача, чем со стороны Яффских ворот.

Шхемские ворота арабы называют Круглые, так как за ними находилась полукруглая площадь с колонной в центре, от которой в древности начинался отсчет расстояний между Иерусалимом и другими городами. Колонна дала четвертое название воротам - Баб ал-Амуд (Ворота колонны). Когда после Шестидневной войны археологи стали производить раскопки, под этими воротами на уровне 1 в. н.э. они обнаружили кроме круглой площади римскую улицу, мощенную широким камнем. Там был открыт интереснейший музей, дающий яркое представление об Иерусалиме тех времен. К сожалению, оживленная площадь перед Дамасскими воротами и музей небезопасны сейчас для посетителей. Остается надеяться на более спокойное будущее.

Ворота Ирода названы в честь Ирода Антипы, сына Ирода Великого, так как дом, находящийся поблизости от ворот, считали принадлежавшим Ироду Антипе. На самом же деле произошла ошибка - ну с кем не случается, и у ворот появилось еще одно название - Цветочные - по орнаменту в виде гирлянды цветов. Есть еще одно, третье по счету, название этих ворот - Баб ал Са-хир - Ворота лунатиков, но некоторые переводят его как Ворота магов-волшебников. В 1875 г. ворота были замурованы.

Опустим рассказ о Львиных воротах, так как о них шла речь выше, и подойдем к Золотым воротам. Желто-коричневого цвета, они самые загадочные и таинственные. Ключ к раскрытию их тайны утерян, но из одних источников следует, что ворота были построены тогда же, когда воздвигались стены вокруг Старого города, т.е. между 1537 и 1541 годами. Через сто лет турецкие правители их замуровали. По другим сведениям, эти ворота в Восточной стене города существовали еще с 4 в. н.э., т.е. с византийских времен, а затем, в 9 в. н.э., арабы в целях безопасности города их закрыли. Так что

Сулейман построил их на базе существовавших, а затем разрушенных. Третьи источники утверждают, что Золотые ворота украшали стены города задолго до прихода византийцев, когда (было и такое время!) в Иерусалиме жили одни евреи. Именно отсюда, через эти ворота, Первосвященник выпускал в Судный день козла отпущения, и именно через эти ворота, с Масличной горы, должен прийти Мессия. Может быть, поэтому существует второе их название - Ворота милосердия. Христиане в Евангелиях пишут, что через эти ворота однажды уже входил Мессия - Иисус Христос и направился в Храм. Мусульмане, очевидно, веря больше Танаху, чем Евангелиям, не только запечатали эти ворота, но и предприняли все возможное, чтобы не допустить прихода Мессии: рядом с воротами открыли кладбище, полагая, что оно-то и не даст Мессии исполнить свою миссию. Таким образом, каждая религия связывает Золотые ворота со своими верованиями, традициями, легендами, чаяниями и надеждами.

Марк Твен в книге "Простак за границей" передает еще одно мусульманское поверье о Золотых воротах, и я не могу отказать себе в удовольствии его привести.

"Мусульмане неусыпно и с тревогой, - пишет он, - следят за Золотыми воротами, ибо в одном почтенном предании говорится, что когда падут эти ворота, падет и ислам, а с ним и Османская империя. Я ничуть не огорчился, заметив, что старые ворота несколько расшатались!" Да, хороший человек был Марк Твен!

Мусорные ворота находятся недалеко от Храмовой горы и двух стен - Западной (Стены плача) и Южной. Это название восходит к византийским временам и связано с тем, что через них вывозили мусор в Кедронскую долину. Эти ворота такие же маленькие и низкие, как Новые. О Сионских воротах мы поговорим позже, когда побываем около них, а сейчас продолжим рассматривать панораму города, открывающуюся с этого холма.

Справа от Яффских ворот - городская Цитадель, называемая в народе "Башня Давида", хотя никакого отношения к царю Давиду она не имеет. Цитадель построена во 2 в. до н.э. хасмонейцами для защиты города. Позднее, в 1 в. до н.э., Ирод на фундаменте хасмонейской Цитадели соорудил новое мощное укрепление для защиты своего дворца и Иерусалима. Цитадель представляла собой три башни, носившие имена трех близких Ироду людей: жены, которую он позже убил, брата и друга. По свидетельству историка Иосифа Флавия, эти три башни "не имели себе подобных в целом мире по своей величине, красоте и мощи". Во время Иудейской войны 66 - 70 гг. н.э. евреи, защищавшие Цитадель, оказали римлянам отчаянное сопротивление и перед неминуемой сдачей крепости ее подожгли. Римляне не разрушили Цитадель в знак памяти о победе Тита и, погасив полыхающий огонь, расселили там воинов X легиона, завоевавших город. Во дворе Цитадели после Шестидневной войны были раскопаны покрытые копотью внутренние перекрытия помещений. В дальнейшем Цитадель в зависимости от того, в чьих руках был город, заселяли монахи-византийцы, воины-арабы, рыцари-крестоносцы, солдаты-мамлюки и турецкие стражники. Естественно, время не щадило крепость. Она разрушалась, приходила в упадок, и в 12 в. н.э. крестоносцы ее восстановили, построили наклонную стену для поддержки старой, окружили Цитадель рвом, из-за дефицита воды никогда не наполнявшимся, а через ров перебросили подъемный мост. В 14 в. мамлюки внесли свою лепту в реконструкцию бастиона, прорубив на юго-западе еще один выход, а в 16 в. турки построили мечеть и минарет, перестроили главный вход. Сегодня, как и четыреста лет назад, Цитадель представляет собой две четырехугольные башни, соединенные стеной с амбразурами для лучников. С 1987 г. здесь размещается Музей истории Иерусалима, постоянная экспозиция которого охватывает период от библейских времен до образования Государства Израиль, т.е. до 1948 г.

В музее почти нет подлинников - разве что само здание, остатки стен древней Цитадели, колонн, миквы и камней различных эпох да макет Иерусалима площадью 18 кв.м, выполненный венгром Ил сом 120 лет назад. Однако, несмотря на отсутствие в экспозиции подлинников, здесь напридумывали такое множество интересных вещей, включая горельефы, макеты, скульптуры, слайды, светящиеся карты и диаграммы, киноэкраны, музыку и свет, что есть на что посмотреть, чем восхититься, проникнуться живым интересом к столь наглядно представленной истории Иерусалима и отдать дань глубокого уважения устроителям музея, с такой профессиональной тщательностью и любовью его создававшим.

Налево от музея и Яффских ворот видны красные черепичные крыши римско-католической патриархии, лютеранская церковь Спасителя с пирамидальным куполом, построенная в 1890 г. на руинах церкви крестоносцев. Это Христианский квартал Старого города. Христиане здесь с

византийского периода, т.е. с 4 в. н.э., когда Иерусалим стал одним из центров христианства.

Христианское население Старого города по национальному составу довольно пестрое. Здесь проживают арабы, армяне, копты, эфиопы, греки, сирийцы, французы, англичане, русские, немцы и др. Почти все христианские сооружения имеют четко выраженную конфессиональную принадлежность - греко-православную, католическую, лютеранскую и т.д., а также орденскую: францисканскую, бенедиктинскую, кармелитскую и т.д.

В Христианском квартале находится церковь Христа (Храм гроба Господня) и ведущая к ней Виа Долороза (по преданию, Крестный путь Иисуса к Голгофе). В этом квартале церкви, монастыри и странноприимные дома причудливым образом, на первый взгляд, а на самом деле вполне естественно переплетаются с арабскими рынками, магазинчиками и уличными лотками, где продается всякая всячина.

Направо от музея и Яффских ворот видна волнообразная крыша армянской духовной семинарии, а за ней высокое квадратной формы здание с крестом на черном куполе. Это собор Св. Иакова, принадлежащий армянской православной церкви, основанный в 11 в. и подвергавшийся неоднократной реставрации. Собор воздвигнут в честь Иакова-старшего - брата Иоанна-Евангелиста. По приказу Ирода Агриппы I ему отрубили голову, захороненную под алтарем в 44 г. н.э. Рассказывают, что здесь же, в соборе, в 62 г. н.э. погребены останки первого епископа Иерусалима Иакова-младшего, двоюродного брата Иисуса. В соборе хранятся камни, привезенные из трех мест Святой земли: Синая, Фавора и Иордана. Недалеко от входа в Собор длинное бревно с висящим над ним куском железа. Эта реликвия связана с ограничительными законами, действовавшими в османский период, когда христианам запрещалось звонить в колокола, а евреям трубить в шофар. И армяне нашли выход: гонг для созыва паствы на молитву и трапезы. Армяне в Иерусалиме с 5 в. н.э., когда страной правили византийцы, а Армянский квартал возник позже - в 17 в., при турках. Армянский квартал в отличие от других кварталов обнесен стеной и живет довольно замкнутой жизнью. В нем находятся армянский патриархат, школы, церкви, монастырь, семинария, готовящая священников для армянских общин всего мира, типография, музей, жилые дома и кладбище. На месте Армянского квартала когда-то стоял дворец Ирода, простиравшийся от Цитадели до Сионской горы и разрушенный римлянами в 70 г. В 12 в., при крестоносцах, здесь был дворец короля латинского Иерусалимского королевства.

Чуть ниже холма, на котором мы отдыхаем, старый район Мамилла. Что означает это название, никто точно не знает. Старожилы говорят, будто на арабском это "вода Аллаха". Но скорее всего, это искаженное арабское название Маман Алла - убежище божье, где находились кладбище и бассейн. Согласно еврейской легенде, недалеко от бассейна был вход в пещеру, где были захоронены кости иудейских мучеников, убитых греками. Пещеру охранял лев, поэтому она называлась Львиной. По христианскому преданию, в пещере покоятся тела христиан, умерших от зверств персов в 7 в. Легенды - легендами, но котлован, служивший во времена Первого храма бассейном, сохранился до сих пор, а недалеко от него - арабское кладбище и склепы, вероятно, тоже очень древние. Рядом с кладбищем и бассейном и расположена Мамилла, которую, по-видимому, с 8 в. н.э. населяли арабы.

В конце 19 в. арабы покинули Мамиллу: то ли по собственной воле, то ли их вынудили, но, как говорят свято место пусто не бывает, Мамиллу заселили еврей-сефарды. Здесь были открыты лавочки, ремесленные мастерские, магазинчики. В период британского мандата Мамиллу начали застраивать современными общественными и гражданскими зданиями, в том числе и гостиницами, в одной из которых жил Теодор Герцель. На границе Мамиллы с центральной улицей Иерусалима, Яффо, был воздвигнут мужской монастырь св. Павла. Шло время. Мамилла вместе со своими домами старилась, дома разрушались, появились трущобы, пустыри. Те, кто побогаче, покидал этот район. Закрылись арабский базар и автобусная станция.

Я помню, как 17 лет назад, в базарные дни, сюда на верблюдах и мулах, нагруженных коврами и плетеными корзинами, приезжали арабы и здесь, вдоль стен Старого города, прямо на земле и на камнях раскладывали свои товары: ковры, кожаные изделия, керамику, парфюмерию. Воздух наполнялся пылью и гортанными криками торговцев. И почему-то евреи не боялись сюда ходить и, более того, садиться в арабские автобусы, стоявшие тут же рядом, у автобусной станции, и ехать к себе домой - в Неве-Яаков, Гило или Рамот. Да, были времена. Мамиллы уже нет, а на ее месте воздвигается Деревня Давида с виллами, стилизованными под восточную архитектуру, административными зданиями из стекла и бетона, какими-то пока непонятными переходами,

лестницами, мостиками. А рядом с этими новыми строящимися или уже построенными домами и башенными кранами нерушимо стоит одно лишь здание - мужской монастырь св. Павла. Да, того самого Павла, которого когда-то звали еврейским именем Савл. Из яркого преследователя отступников иудейской веры он превратился в ревностного приверженца христианства и гонителя евреев. И назывался он теперь Павлом. Что ж, в еврейской истории и такое не раз бывало. Мы, например, еще увидим в самом центре современного Иерусалима мужской монастырь Отцов Сиона, построенный на деньги перешедшего в христианство еврея Ратисбона. Кстати, ему же принадлежало несколько монастырей в районе Эйн-Керем. Ну, а в Еврейском квартале Старого города, напротив разрушенной в 1948 году иорданцами синагоги Хурва, высится минарет, воздвигнутый на средства еврея, принявшего ислам. Так что удивительное рядом.

Мишкенот-Шаананим, Иемин Моше

Это район художников, скульпторов, словом - людей искусства. Здесь несколько художественных галерей, дом творчества, концертный зал, ресторан, кафе - и все это утопает в зелени, а тишина нарушается лишь гомоном туристов. Спустимся с холма к площадке, в глубине которой двухэтажная вилла, занимаемая сионистской конфедерацией. Рассказывают, что в византийскую эпоху на этом месте стоял детский приют, разрушенный в 7 в. персами. Несколько столетий здание лежало в развалинах, пока крестоносцы, это было уже в 12 в., не отстроили его.

В конце 19 столетия здесь построили церквушку. Потом и она исчезла. И вот теперь сюда, в уютное кафе, приходят посидеть за чашкой кофе, послушать лекцию, концерт и просто отдохнуть.

Спустимся на несколько ступенек ниже и увидим, что весь этот район расположен на террасах. На каждой из них живописные одно- и двухэтажные домики, увитые диким виноградом и другими вьющимися растениями, цветы, названий которых я так и не знаю. Двери и окна домов различной формы и величины - от круглых зеркальных до узких, словно оконца монашеских келий. Палисадники, лестницы, ведущие в глубь дворишков, проходы и переходы, над которыми склоняются причудливые кроны деревьев, - и все это таит в себе очарование, создает атмосферу ухоженности, покоя и благополучия.

Бывая здесь, я испытываю противоречивые чувства, замешанные на горести, радости и тревоге. Горести - при воспоминании о девятнадцати годах непрерывного обстрела мирных еврейских жителей Мишкенот-Шаананим иорданцами, засевающими на Сионской горе радости - квартал поднят из руин и стал красивее, чем был тревоги - неужели город опять будет разделен? Неужели все повторится? Пока никто не может ответить на эти вопросы. И ничего не остается, как загнать поглубже свои сомнения и тревоги и радоваться каждому прожитому спокойно дню.

Что же такое Мишкенот-Шаананим? Это название взято из книги пророка Иешаяху (Исайя): "И будет жить народ мой в обители мира в жилищах безопасных и в покоях безмятежных". Последнее слово и дало название кварталу - Обитель безмятежных (Мишкенот-Шаананим). Квартал появился на карте Иерусалима в 1860 г., когда стараниями двух филантропов евреям предоставили возможность выбраться из Старого города с большой скученностью населения. Если в 1840 г. в Иерусалиме евреев насчитывалось около 5 тыс., то ко времени постройки первых двух домов их число увеличилось втрое. Турецкие власти не разрешали евреям строить, достраивать или покупать дома, а также брать в аренду у арабов - словом, положение было достаточно тяжелым, и вот выход из жилищного кризиса был найден. Лондонский филантроп Монтефиоре, к тому времени в четвертый раз побывавший на Святой земле, использовав доставшийся ему по наследству финансовый фонд американского еврея Иехуды Тура и свои личные средства, купил земли, что напротив горы Сион с запада, и построил два дома, по двадцать шесть комнат в каждом. Эти два каменных здания с зубчатыми крышами сохранились до наших дней. На одном из них на иврите высечены на камне слова: "Мишкенот-Шаананим воздвигнут при содействии сэра Моше Монтефиоре в 1860 г. на денежные пожертвования, которые оставил после себя богач Иехуда Тура, зихроно левраха (да благословенна его память) из святой общины Нового Орлеана, что в государстве Америка, да защитит его Господь".

С этого времени и начался выход евреев из Старого города. Надо сказать, что первоначально желающих поселиться в новых домах было немного, так как жить тут было небезопасно: бедуины, грабители и по ночам шакальи стаи. Приходилось засветло возвращаться в город, стены которого запирались сразу же после захода солнца, а открывались ранним утром. На такой риск были способны

только молодые беззаботные люди и бездомные, которым терять было нечего. Вот и укрепилось это название - Обитель безмятежных. А я назвала бы этот район прибежищем отважных, потому что надо было обладать известным мужеством, чтобы решиться жить здесь. Впоследствии эта беспечность, или безмятежность, была вознаграждена Всевышним: когда в городе вспыхнула эпидемия холеры, она не коснулась этих безмятежно-беспечных. И если до эпидемии люди с опаской покидали свои пришедшие в негодность жилища, то теперь народ повалил, что называется, валом. Сначала Старый город покидали евреи, потом христиане, потом двинулись и арабы. С 1860 г. стены Старого города больше не запирались. Через десять лет сэр Монтефиоре построил мельницу, являющуюся сегодня визитной карточкой города. Мельница считалась одной из лучших в округе и проработала 25 лет. Однако легенда говорит о другом: ветер никогда не приводил в движение ее лопасти. Рядом с рабочими стоял старый араб и от имени Аллаха и себя лично посылал ей проклятье за проклятьем и, как говорится, накаркал: вот уже более ста лет мельница не функционирует. Однако умные люди решили превратить ее в музей, посвященный создателю этого района сэру Моше (Мозесу) Монтефиоре (1784 - 1885).

Внутри массивного каменного конуса мельницы развешаны фотографии, картины, карты, дающие представление об отдельных этапах долгой жизни Монтефиоре. Вот он ребенком на семейной фотографии в кругу родителей, братьев и сестер в Ливорно, где родился. Вот его жена, Джудит, на которой он женился в Лондоне. Единомышленница и верная помощница, она часто сопровождала мужа в его поездках по Европе и Святой земле, впечатление о которой описала в "Заметках из частного дневника". В память о Джудит Монтефиоре, переживший ее на 23 года, назвал прилегающий к Мишкенот-Шаананим участок земли Иемин-Моше, свидетельствуя тем самым, что она была его правой рукой (*иемин* - правый).

Привлекает внимание большой портрет Монтефиоре в форме офицера национальной гвардии, участвовавшего в наполеоновских войнах. Четырехлетнюю службу в армии он закончил в чине капитана. В обширной экспозиции музея представлены материалы, показывающие различные сферы его деятельности. Так, при поддержке Натана Ротшильда, двоюродного брата жены, он создал первое в Англии общество по страхованию жизни и первую в Европе компанию по освещению улиц газовыми фонарями. Шериф Лондона, он боролся за отмену рабства в британских колониях и права евреев быть избранными в парламент без христианской присяги. Монтефиоре был первым в Англии евреем, удостоенным членства в Лондонском королевском обществе. Возведен королевой в рыцарское звание, а в 1848 г. ему был пожалован титул баронета. Лидер английского еврейства, Монтефиоре сыграл важную роль в защите интересов евреев во всем мире, выступая против кровавых наветов в Дамаске и Марокко, погромов в России, где он побывал дважды, и, конечно, много сил, труда и средств вложил в развитие еврейского ишува Палестины. В нашем регионе он побывал семь раз. Он открыл в Иерусалиме поликлинику и аптеку, вложил капитал в улучшение системы водоснабжения города, субсидировал работы по укреплению Западной стены (Стены плача), вывел евреев из Старого города и еще многое-многое другое. Как он выглядел? Фотографии запечатлели его в разные периоды жизни. В зрелом возрасте - высокий, полный, с красивой бородой и черными умными глазами в старости - грузный, широкоплечий, с длинным утиным носом и в черном колпаке-ермолке. Монтефиоре много разъезжал по свету в своей знаменитой карете в сопровождении личного врача, секретаря и повара, знавшего правила приготовления кошерной пищи, по-видимому, тоже еврея. Монтефиоре никогда не разлучался со своей переносной синагогой - квадратным футляром, где лежали молитвенник, тфилин и талес. Жил он с женой в Рамсгите, предместье Лондона. Единственный сын умер в раннем возрасте, больше детей у четы Монтефиоре не было. Рядом со своим домом Монтефиоре построил синагогу, в фундамент которой насыпал землю, привезенную из Иерусалима. Сентиментальность? Не думаю. Скорее, это естественное проявление своей связи со Святой землей. Монтефиоре почитал святые места Палестины и вложил немалые средства в реставрацию могилы Рахели. И свою Джудит он похоронил в Рамсгите в специально построенной усыпальнице, почти копии той, что на могиле Рахели. Туда же привез землю, только не из Иерусалима, а из Бет-Лехема, где покоится праматерь Рахель.

Деятельный и энергичный человек, обладавший, по-видимому, отменным здоровьем, он не чувствовал старости. Когда спустились к нему белые ангелы - рассказывает легенда - и напомнили ему о том, что сэру уже 80 лет и пора, мол, на небо, он отмахнулся от них, сказав: "Отстаньте, мне некогда!". И Г-подь Б-г подарил ему еще двадцать один год жизни.

В 1884 г. в Англии и во многих странах мира торжественно отметили его столетие. В музее-мельнице демонстрируются копии юбилейных медалей, врученных ему в честь знаменательной даты.

На сто первом году жизни, в 1885 г., скончался Моше (Мозес) Монтефиоре, верующий иудей, английский финансист, общественный деятель и филантроп.

Рядом с мельницей небольшая каменная постройка, в которой за витриной стоит карета сэра Монтефиоре. На карете семейный герб: два флажка, которые с обеих сторон держит лев - символ колена Иехуды и олень - символ Эрец-Исраэль. На флажках девиз: Иерушалаим. Между ними корона, под ней два магендавида. Венчает герб лента с надписью на английском: "Вспоминай и благодари!"

Таков герб Монтефиоре, такова его карета. К сожалению, это копия. Оригинал кареты не сохранился. Лет десять назад хулиганы сожгли ее. Она была восстановлена по чертежам и снимкам, а копия выставлена на всеобщее обозрение, но теперь уже под пуленепробиваемым стеклом.

Гора Сион

Напротив мельницы - западный склон горы Сион. Кажется, рукой подать, а на самом деле неблизко, и лежит между ними Долина ада, вернее то, что осталось от нее. Историк Иосиф Флавий назвал ее Змеиной долиной. Протяженность долины несколько километров. В период Первого храма это был глубокий овраг, куда язычники в жертву Молоху сбрасывали своих детей, а потом их сжигали и, чтобы заглушить крики, играли на музыкальных инструментах. В 7 в. до н.э. при иудейском царе Иосии (Иошияху) были уничтожены все языческие жертвенники, а в Долину ада сбрасывали городские нечистоты и трупы животных. Для того, чтобы избавиться от зловоний и предотвратить эпидемии здесь всегда поддерживался огонь, и поэтому место стало называться Геенной огненной. Добавлю что слово "геенна" происходит от названия лощины Ге бен Хинном, упомянутой в Библии. Она принадлежала сыну (бен) некоего человека, которого звали Хинном. А вообще Хинном это ад - обитель душ грешников. Прошло много веков. Из заболоченной зловонной долины это место превратилось в пустырь, и в 16 в. султан Османской империи распорядился его очистить и наполнить водой. Так появились бассейны султана, где купали лошадей и черпали воду для орошения безводных земель. Теперь на том месте, где когда-то были бассейны султана, разбили парк, возвели несколько строений, открыли галереи, кафе, построили концертную площадку. Из-за нестерпимой дневной жары концерты происходят, как правило, вечером. И вот представьте себе огромное звездное небо, древние стены, высвеченные лучами прожекторов, желтые уличные фонари, проступающие на скальные породы исчезнувшей Долины ада, амфитеатр, где сидят приумолкшие зрители, и вы поймете, если я скажу, что все это производит впечатление чего-то ирреального, метафизического...

Итак, гора Сион. Краткая Еврейская Энциклопедия дает такое объяснение: "Гора Сион (Цион), точнее Цийон-холм в Иерусалиме, ставший символом этого города и Эрец-Исраэль". Как в Библии: "Из Сиона выйдет Закон и слово Божие из Иерусалима". Но что означает само слово Цион? На этот счет есть несколько мнений. Одни считают, что библейское слово "Цион" это форт, укрепление, крепость другие полагают, что слово означает "солнечный", "блестящий". А третьи, что этимология этого слова неясна. Но все сходятся на том, что до израильских завоеваний так называлась крепость языческого племени иевуситов, позднее завоеванная царем Давидом и получившая название Ир Давид (Город Давида). В период Первого храма название Сион распространилось на город Давида, холм Офель и Храмовую гору. В эпоху Хасмонеев (2 в. до н.э.) выражение "гора Сион" было закреплено за верхним городом Иерусалима. Более поздняя традиция включила в это название и холм, который мы сейчас видим. Слово "Сион" легло в основу понятия "сионизм", впервые введенного в употребление в 1890 г. На горе Сион находятся мечеть, церковь и два каменных здания. Гора не обнесена стеной, хотя, как у всякого древнего места сосредоточения культовых зданий, она, по идее, должна быть. Судя по историческим источникам, стена действительно существовала и являлась составной частью Старого города. Что же случилось? На этот вопрос может ответить легенда. Строители, воздвигавшие вокруг Иерусалима крепостные стены, знали, что планом предусмотрены Сионские ворота, но о самой стене забыли - то ли по ошибке, та ли случайно, то ли по недосмотру архитекторов неважно, почему ее не построили. Важно, что гора Сион осталась без стен, а архитекторы - без головы. Да, буквально. Сулейман Великолепный - это было в 16 в. - приказал обезглавить виновных. Около Яффских ворот вам покажут нишу, где под раскидистым фиговым деревом стоят два арабских надгробия, под которыми покоятся обезглавленные тела несчастных. Никто не знает, правда это или легенда, но в сознании народа всегда сохраняется память о таких фактах.

Однако выход из создавшегося положения был найден: в стене, огибавшей Армянский квартал,

прорубили ворота, связавшие его с Еврейским кварталом и Сионской горой. Поэтому ворота называли то Сионские, то Еврейские. На этих еврейско-сионских воротах до сих пор сохранились следы двух войн - Войны за Независимость 1948 г. и Шестидневной, 1967 г. Ворота, как рябые, - так много на них вмятин и воронок от снарядов и пуль.

Но обратимся к истории, которая говорит, что в период Второго храма здесь, на горе Сион, была одна из семи синагог Иерусалима. Это подтвердили раскопки, произведенные на северном склоне горы Сион, где находится могила царя Давида. (На самом деле неизвестно, где он похоронен.) Там были найдены остатки одной из семи синагог и в 524 г. поставлен огромный саркофаг, под которым, по легенде, покоится прах царя Давида. Теперь саркофаг покрыт бархатом, и на нем золотыми буквами написано: "Мелех Исраэль, Давид, хай вэ кайам" (Царь Давид жив и существует). Откуда эти слова? Из Талмуда, где сказано, что Давид продолжает жить, и из более поздней легенды о том, что царь Давид вовсе не умер, а погрузился в беспробудный сон, в котором будет пребывать до тех пор, пока он не явится как Мессия и не принесет избавление еврейскому народу. Вот откуда эта надпись на бархате саркофага.

На втором этаже, как раз над гробницей царя Давида, находится горница Тайной вечери. В 1 в. н.э. здесь была небольшая церковь, считавшаяся францисканцами местом последней перед арестом трапезы Иисуса. В 12 в. крестоносцы на фундаменте древних строений построили церковь Благовещения, которая неоднократно разрушалась и реставрировалась. От нее остался просторный зал со сводчатым потолком и колоннами. На колоннах едва можно различить рисунки, изображающие пеликанов. По христианским поверьям, эти птицы отрывают от себя куски мяса и кормят голодных птенцов. Над дверью с трудом просматривается какой-то герб. Оказывается, это герб города Регинсбурга, откуда были родом те крестоносцы, которые отстроили горницу Тайной вечери.

Турки, пришедшие в Иерусалим в 16 в., практически уже не разрушали существовавшие до них постройки, а приспособляли их под свои нужды. Так и случилось здесь: они снесли лишь колокольню церкви и на ее месте воздвигли мечеть с минаретом. Минарет особый - с часами и флюгером. В мечети установили михраб - нишу, обращенную в сторону Мекки, и справа от нее - минбар - трибуну для проповедника, снабженную деревянным навесом. Мечеть они назвали Наби Давид (Пророк Давид). Причем здесь Давид? Дело в том, что, согласно исламской традиции, Адам, Ной, Авраам, Моше, Давид, Шломо и Иисус считаются пороками, предшествующими появлению последнего пророка, Мухаммада.

Глядя сверху или с расстояния на это сооружение, невольно поражаешься такому странному, будто созданному самим Провидением, сосредоточению на одном пяточке, на одной строительной площадке, символов трех религий. Мало того, они словно специально построены с учетом времени возникновения каждой из них. У основания - самая древняя, иудейская, возникшая в 13 в. до н.э., представленная гробницей Давида затем вторая по времени возникновения - 1 в. н.э. - христианская (горница Тайной вечери) и последняя, восходящая к 7 в. н.э., - ислам (минарет). Три монотеистические религии самым естественным образом, может быть, без всякой преднамеренности, находятся вместе - и ничего, уживаются.

Недалеко от могилы Давида, рядом с небольшой синагогой, Музей катастрофы европейского еврейства. Его создал человек, чудом уцелевший в Освенциме и тоже чудом добравшийся до Иерусалима еще до образования Государства Израиль. Позади у него - погибшая в печах семья, а впереди одно желание, одно стремление - собрать все, что уцелело в Катастрофе, и рассказать о том, что происходило. В одной из маленьких комнат музея горит вечный огонь, в другой - поминальные плиты с именами погибших и различные предметы: домашняя утварь, книги, обувь, одежда - словом все, что осталось. Когда был создан Яд ва-Шем, хозяину музея предложили передать свою коллекцию музею. Он отказался. Так и существует этот скромный музей-одиночка - может быть, с точки зрения музейной науки, и не научный, но, с человеческой, - потрясающий.

Рядом с этим комплексом трех религий, как я его называю, внушительный собор с черным куполом и четырьмя башнями по краям. Когда-то, в византийский период, здесь была церковь, остатки которой в виде огромных плит и обработанных камней можно еще видеть в подвальном помещении. Церковь была построена в память почившей Марии, матери Иисуса, и названа церковью Успения, или Дормишон, по-латински. Собор, который мы видим, воздвигнут в 1910 г. на участке, подаренном Вильгельму II в 1898 г. турками. Мощными стенами и башнями Дормишон напоминает крепость. Красив круглый мозаичный пол собора, где изображены знаки зодиака. Внизу, в соборе, крипта, где

помещена скульптура спящей (усопшей) девы Марии.

На горе Сион находится францисканский Институт по исследованию Библии и Святой земли. Его хорошо видно, если стоять около мельницы. Здание, где расположен институт, сравнительно новое. Построено в период британского мандата, т.е. в 20 - 30-е гг. нашего века. Институт создан в 1950 г. Дугласом Янгом. Здесь изучается все, что связано с историей Эрец-Исраэль, его географией, культурой, религией. Сюда приезжают со всех стран мира, но слушателей-студентов немного - не более 100 человек. Институт закрыт для туристов и любопытных. В периодической печати появляются время от времени отдельные публикации о его деятельности.

Итак, наша прогулка по горе Сион завершена. Конечно, мы не всюду здесь побывали: не заглянули в иешивы, скрывающиеся за небольшими каменными заборами с распахнутыми воротами, не осмотрели застройки времен крестоносцев, не поднялись на вековые стены, откуда сквозь марево прочерчиваются отроги Иудейских гор, не посетили дорогой сувенирный магазин, не оставили там свои шекели, не постояли около усталого безмятежного верблюда, на которого взгромождаются туристы, позирующие перед фотокамерой.

По горе Сион можно бродить часами и открывать для себя все новое и новое. Вообще гора Сион - это открытая, но до конца не прочитанная книга ни историками и археологами, ни тем более нами, экскурсантами.

Далее



Ваша оценка этой темы

1 2 3 4 5

Голосовать



Перед Вами электронная версия книги «МОЙ ИЕРУСАЛИМ», Полина Кляйнер.

Гостиница Кинг Дэвид (Мелех Давид). ИМКА

Недалеко от мельницы, на улице Мелех Давид (Кинг Дэвид, Царь Давид), находятся две гостиницы. Одна напротив другой. Обе международного класса. Обе строились в период британского мандата, в 30-е годы. Первая принадлежит частной еврейской компании, вторая - в ведении международной христианской организации молодежи. В Дни государственных праздников над гостиницей Кинг Дэвид развеваются государственные флаги и она празднично украшена и иллюминирована, ИМКА погружена во мрак, и государственных стягов на ней нет и в помине. Впрочем, никого кроме меня, это не волнует: из моих окон видны оба отеля, и когда в христианские праздники ИМКА сияет гирляндами разноцветных огней, а в государственные не вывешивает израильского флага, я воспринимаю это как оскорбление национального достоинства, как явное пренебрежение общепринятыми нормами официального этикета. Но расскажу о каждой гостинице отдельно.

Гостиница Кинг Дэвид построена на территории, купленной у греков-ортодоксов, и открыта в 1931г. Внешне ничем не примечательное шестиэтажное здание светло-коричневого цвета с продолговатыми окнами, оно, тем не менее, обращает на себя внимание множеством флагов различных стран, красивыми цветниками вдоль асфальтированных дорожек для въезда машин. Пройдя через холл гостиницы и минуя кафе, вы попадаете на просторный балкон, и перед вами действительно райский уголок: сад с двумя открытыми бассейнами, тенистыми беседками, живописной поляной, обрамленной кипарисами, эвкалиптовыми и кактусовыми деревьями. И конечно, здесь обилие цветов. За садом видны стены Старого города, с его колокольнями, мечетями и минаретами. Тишина, порядок, защищенность от солнца и ветров создают какое-то особое настроение праздности и отгороженности от обыденных дел и треволнений. По-моему, единственный недостаток проживания в этой гостинице, кроме, конечно, непомерно высокой стоимости, это призывы муэдзина на молитву. В четыре часа утра. Как спалось здесь Картеру, Киссинджеру, Коллю, Клинтону, Беккеру, Маргарет Тетчер, Горбачеву и другим главам государств, затрудняюсь сказать. Могу лишь предположить, что покойному Анвару Садату как мусульманину это не мешало. А вот госсекретарь Кристофер, часто посещающий наш беспокойный регион, не всегда останавливается здесь, очевидно, предпочитая просыпаться не в четыре часа, а немного позже. Но как бы то ни было, именитые гости живут в этой гостинице и устраивают тут пресс-конференции.

В истории гостиницы Кинг Дэвид есть эпизод, не забываемый ни нашими друзьями, ни нашими врагами. Речь идет о взрыве, учиненном 22 июля 1946 г. боевой подпольной организацией ЭЦЕЛ. В том году по всему еврейскому ишуву прокатилась волна демонстраций и выступлений против проарабской политики англичан, осуществлявших мандат над Палестиной.

Ранним июльским утром несколько рабочих-подпольщиков доставили в подвальный этаж гостиницы молочные бидоны, в которых была заложена взрывчатка. Руководство ЭЦЕЛа, во главе которого стоял тогда Менахем Бегин, сообщило по телефону в штаб-квартиру британской администрации о готовящемся взрыве и просило всех покинуть гостиницу. Англичане не поверили. После вторичного предупреждения южное крыло отеля взлетело в воздух. 91 человек погибло и 45 было Ранено. Эта отчаянная акция ЭЦЕЛа продемонстрировала решимость евреев бороться за создание своего национального очага всеми имеющимися средствами и в какой-то мере приостановила антиеврейские действия властей.

После образования государства здание гостиницы восстановили, достроили еще два этажа, а на крыше северной части здания оборудовали взлетную площадку для вертолетов.

История здания напротив менее драматична, и особых событий в нем не происходило. Однако причина возникновения организации ИМКА любопытна и, по-моему, заслуживает внимания.

ИМКА - аббревиатура названия Союза христианской молодежи. Организация была основана Джоржем Вильямсом в Лондоне в 1855 г. и вскоре после создания приобрела международный статус. Ее задача -

объединение людей различных вероисповеданий под эгидой христианской молодежной ассоциации. Центральный штаб этой организации находится в настоящее время в Женеве, а ее филиалы в 75 странах мира, в том числе и в Израиле. В Иерусалиме она была создана в 1878 г., первым почетным президентом стал ее основатель Джорж Вильяме. Двадцать энтузиастов иерусалимской ИМКИ ютились сначала то в религиозном книжном магазине на улице Яффо, то в заброшенном доме на соседней улице, то в пустующих домах своих знакомых, пока ИМКА не купила земельный участок с небольшим домом около Дамасских ворот. Во время Первой мировой войны турки закрыли ИМКУ. Ее деятельность была возобновлена после получения Великобританией мандата на Палестину. В 1920 г. генеральным секретарем иерусалимской ИМКИ стал д-р Арчибалд Харт в сферу интересов организации были включены интеллектуальные, социальные и спортивные проблемы. Рассказывают, что романтические идеи Харта создать на Святой Земле организацию, которая будет стремиться воплотить, если не в жизнь, то в души людей, идеалы будущего, когда, по словам пророка Иешаяху, "волк будет жить рядом с ягненком..." и "люди перекуют мечи на орала", эти романтические идеи настолько восхитили друга Харта по Нью Джерси филантропа Джеймса Ньюбегина Джарви, что в новогоднюю ночь с 1923 на 1924 г. он пожертвовал 1 млн долларов на строительство в Иерусалиме постоянного здания ИМКИ. С легкой руки сэра Джарви посыпались пожертвования международного комитета северо-американского отделения ИМКИ, а также - не удивляйтесь - группы еврейских друзей из Манчестера. Будем считать, что эти богатые манчестерские евреи помогали и своим единоверцам!

В 1926 г. на собранные от пожертвований деньги купили 30 дунамов земли у греческой ортодоксальной церкви и сразу же после непреременных археологических раскопок, обнаруживших остатки монастыря и захоронений византийского периода, приступили к строительству ИМКИ по проекту архитектора Артура Хармона, автора знаменитого небоскреба в Нью-Йорке. 13 апреля 1933 г. состоялось торжественное открытие ИМКИ, на котором произнес речь бывший командующий британским экспедиционным корпусом в Палестине генерал Алленби. "Здесь, в Иерусалиме, - сказал он, - в городе, который все чтут, в сердце Палестины, в стране, которая с древних времен до сегодняшнего дня была ареной постоянных войн, создается международный монумент мира и братства. Под его сенью приверженцы различных сект, может быть, перестанут воевать друг с другом и устремятся к более возвышенным духовным идеалам". Эти слова Алленби соответствовали провозглашенной ранее идее союза и сотрудничества христианской молодежи со всеми людьми без различия рас, национальности, вероисповедания и возраста. Пока шла организационная и рутинная работа, ИМКА временно уступила свое помещение главному штабу специального комитета ООН при Палестине, а в 1948 г. - Международному красному кресту, оказывающему помощь беспризорным детям и беженцам - полякам, арабам, армянам и австрийцам.

В настоящее время ИМКА - обычно функционирующая гостиница и специальная христианская организация, о целях которой рассказывалось выше.

Кто-то сказал, что архитектура здания ИМКИ это проповедь и символы, высеченные в камне. Возможно, замечание не лишено оснований. Комплекс ИМКИ состоит из башни, четырехэтажного строения, по обеим сторонам которого два портика и два здания, похожие на кибитки, покрытые круглой белой крышей. К просторной площадке перед центральным зданием ведет широкая лестница, от которой расходятся две боковые.

Перед ИМКОЙ высажено 12 кипарисов. Красивые и стройные, они символизируют, как значится в проспектах, 12 учеников Иисуса, 12 колен израилевых и 12 самых близких последователей Мухаммада. Эта тема двенадцати повторяется в колокольне башни, имеющей 12 окон, и в 12-ти арках балкона, находящегося на первом этаже здания. В обоих портиках 40 колонн, символизирующих 40 лет блужданий евреев по пустыне, 40 дней испытаний Иисуса, 40 дней пребывания Мухаммеда в Медине после его изгнания из Мекки. Наверху, в самом центре, высказывание Иисуса из Евангелия на арамейском языке: "Я - ваш путь". В северном крыле слова из Торы на иврите Г-сподь един". В южной части здания - из Корана: "Нет Бога, кроме Аллаха" - на арабском.

Так в этом здании, в городе трех религий, как называют Иерусалим, представлено кредо трех монотеистических религий, главной из которых, судя по расположению цитат из священных книг, является христианская. Здание как бы рассекает шестидесятиметровая башня в форме минарета. Внутри башни-минарета находится колокольня с 35 колоколами, торжественно вызывающими по воскресеньям и христианским праздникам. На фасаде башни-минарета высечен шестикрылый серафим, явившийся пророку Иешаяху в его видении, когда он был призван к пророческому

служению. Серафимы - это высшие ангелы в человеческом обличье. У каждого из них по шести крыльев: "двумя прикрывает он лицо свое и двумя прикрывает он ноги свои, и двумя летает." /Иеш. 6:2/.

В книге "Пророки" Иешаяху говорит: "Горе мне. Я погиб, ибо я человек с нечистыми устами... и подлетел ко мне один из серафимов, и в руке его уголь горящий, что взял он щипцами жертвенника и коснулся он (углем - П.К.) уст моих, и сказал: 'Вот, коснулось это уст твоих, и грех твой снят будет, и вина твоя будет прощена'. И услышал я голос Господа, говорящего: кого пошлю я, и кто пойдет для нас? И я сказал: вот я, пошли меня." /Иеш. 6:5-8/. Так состоялось посвящение Иешаяху в пророки.

И наконец, последняя надпись из пророчеств Иешаяху находится по сторонам арки дверного проема: "Чудесный советник, Б-г силы, Отец вечности, Царь мира". /Иеш. 9:5-6/. Эти слова иудеи относят к характеристике Машиаха, христиане - Мессии в лице Иисуса.

На этом закончим прогулку по ИМКЕ. Конечно, можно подняться на лифте на смотровую площадку, находящуюся словно у самого синего неба, а потом пролетом ниже смотровой площадки оказаться на колокольне с 35 колоколами или, спустившись на четвертый этаж, выйти на крышу и посмотреть теннисные корты, а можно отправиться вниз, в бассейн или концертный зал, если он открыт. Хорошо бы еще войти в холл, решенный в мавританском стиле, и увидеть портреты в масле, на которых запечатлены два уважаемых господина - Харт и Джарви. А можно просто посидеть на воздухе за белыми столиками, отдохнуть и подвести итог увиденному.

Итак, в архитектуре ИМКИ, в ее интерьере как бы воплощена идея величайшего еврейского пророка Иешаяху (8 в. до н.э.) о всеобщем мире и братстве между народами. Но прочитывая эту "проповедь на камне", видишь в ней не иудейского пророка, Иешаяху, а христианского, Исаяю, и невольно спрашиваешь себя: что это - результат адаптации еврейской мысли, еврейского пророчества к христианской мифологии? Стремление связать Тору с Евангелием и показать его превосходство? Или утверждение, что иудейский пророк Иешаяху стал универсальным пророком, так сказать "всехним"? Разве эта "проповедь на камне" не является свидетельством желанной и заветной мечты христиан приспособить видения пророка к христианской вере? Ведь возведен же он в лик христианских святых и ежегодно в мае отмечается его память! Ведь и в архитектуре этого комплекса так отчетливо выражен примат христианства над двумя "братскими" монотеистическими религиями! Поэтому минарет оказывается вовсе не минаретом, а колокольней, 12 окон, обычно символизирующих 12 колен израилевых, тождественны 12 апостолам Иисуса 40 колонн, означающих 40 лет блужданий евреев по пустыне, оказывается, идентичны 40 дням страданий Иисуса и т.д.

Вот почему к ИМКЕ я отношусь двойственно: не принимая идей, воплощенных в архитектуре здания, я привожу полюбоваться им своих гостей.

Дом Тихо

А теперь отправимся в центр города и по улице Рава Кука подойдем к дому Тихо. К этому дому я испытываю особые сантименты. Рядом с ним находилось учреждение, в котором началась и закончилась моя трудовая жизнь в Иерусалиме. Иногда, когда становилось невозможно от амбициозных бредней начальства, я убегала в сад, принадлежавший дому Тихо, бродила по заросшему лопухами и колючками небольшому участку земли, и тишина, шуршание опавших листьев успокаивали расшатанные нервы, восстанавливая душевное равновесие. Помню похороны хозяйки дома, художницы Анны Тихо, завещавшей свое недвижимое имущество народу. Я слышала о ее муже, знаменитом офтальмологе Аврааме Тихо, который умер лет двадцать назад, однако желания узнать подробности об их доме у меня не возникало. Волновали более насущные проблемы, и обстановка полуразрушенности и полузаброшенности парка соответствовала моей тогдашней неустроенности и почему-то вызывала в памяти русские дворянские поместья, разоренные революцией и отданные трудящимся. По-видимому, я искала схожести там, где ее не было и не могло быть. Но сравнения и сопоставления возникли спонтанно и каким-то странным образом помогали привыкнуть к новому месту, новым людям, новой стране.

Прошло много лет. Ностальгии как не бывало. Отстроен дом Тихо. Теперь здесь музей, кафе, библиотека и сувенирный магазин. Я нередко прихожу сюда. Иногда с приятельницами посидеть за чашкой кофе и, поговорив по душам, разойтись умиротворенными тишиной, покоем и разговорами, от

которых, хотя и ничего не меняется, но легче жить иногда привожу сюда туристов и не спеша рассказываю об этом удивительном доме а иногда прихожу сама послушать хорошую музыку - здесь нередко проходят музыкальные концерты.

История этого квартала и дома восходит к тому периоду, когда выход за черту Старого города становился повседневным явлением и непреложным фактом. Это было в конце 60-х - начале 70-х гг. 19 в. Вслед за евреями Старый город покидали христиане и мусульмане. Араб Ага Рашид купил здесь земельный участок и построил довольно большой по тем временам двухэтажный дом, в котором сам никогда не жил.

Сводчатые потолки, большой центральный зал, комнаты, расходящиеся веером, верхние покои, большой земельный участок, примыкавший к дому, - все это могло привлечь только богатых квартиросъемщиков или покупателей. Одним из них оказался Шапиро, еврей из Каменец-Подольского. Владелец нескольких антикварных магазинов и коллекционер древностей, он прожил в этом доме около десяти лет с женой-христианкой (и сам принял христианство) и двумя дочерьми. В 1883 г. в Лондоне он покончил с собой, его семья вынуждена была покинуть Иерусалим и переселиться в Германию. Там в 1914 г. вышла книга его младшей дочери "Маленькая дочь Иерусалима", из которой мы узнаем о жизни Иерусалима и обо всем, что связано с этим домом и его обитателями.

В 1883 г., том самом году, когда Шапиро застрелился, и, говорят, что даже в тот самый день, в моравском городке Восковиц в религиозной еврейской семье родился мальчик Авраам Тихо, которому через сорок лет будет суждено жить в доме Шапиро. Итак, Авраам, получив религиозное воспитание, тем не менее стал светским человеком, учился в пражском и венском университетах медицины, проявляя особый интерес к офтальмологии. Уже будучи в ординатуре, он получил приглашение на работу в Палестине. Приглашение он охотно принял и вместе со своей кузиной, Анной, в 1912 г. прибыл в Иерусалим. Здесь молодые люди поженились и счастливо прожили сорок восемь лет.

В начале века на Ближнем Востоке свирепствовала трахома, так что приезд сюда офтальмолога-хирурга был более, чем кстати. Первая клиника Авраама Тихо находилась в районе Меа Шеарим, который к тому времени был уже целиком застроен и населен ортодоксами различных течений и направлений. Наплыв больных был необычайно велик, и доктору помогала его жена, Анна. Вдвоем за год они приняли ни много ни мало - 69 тысяч больных. Тихо не делал различия в социальном, национальном и религиозном статусе пациентов. Для него все они - больные, и тем, кто нуждался в его помощи, он ее оказывал. Слава о нем быстро распространилась по всему Ближнему Востоку, не говоря уже о самой Палестине. К нему приезжали из Египта, Сирии, Персии и даже Индии. В 1914 г. он преобразовал клинику в частный госпиталь, причем нуждающиеся освобождались от платы за лечение. За два года работы Авраама Тихо заболеваемость трахомой значительно снизилась. В начале Первой мировой войны он в качестве врача был мобилизован в турецкую армию и сначала служил в Ливане, а затем в Сирии, куда приехала его жена, медсестра Анна. После окончания войны д-р Авраам Тихо был награжден медалью и демобилизован. В 1919 г. чета Тихо возвратилась в Иерусалим и включилась в обычный ритм жизни. Д-р Тихо возглавил глазное отделение больницы им. Ротшильда и купил дом, в котором жил когда-то Шапиро.

Дом был перепланирован: в нижнем этаже разместилась поликлиника, операционная палата и комната для выздоравливающих, кухня, откуда по бесшумному лифту еда доставлялась наверх, где поселилась семья. В 1929 г., когда начались выступления арабов против евреев, д-ра Авраама Тихо тяжело ранили. Последствия ранения сказались через двадцать лет: последние годы жизни он был прикован к постели. Прекратились приемы больных, но приходили друзья, знакомые. Анна делала все, чтобы муж не чувствовал своей ненужности, своего одиночества... И интерес к жизни, пока она еще теплилась в нем, не исчезал. Помогало старое хобби. Он коллекционировал ханукиеты. Увидев их впервые в дом-музее Тихо, я ничуть не удивилась: ведь именно он, глазной врач, должен любить свет и верить в чудо. По-моему, последнее было ему в какой-то мере присуще. В его коллекции более 150 ханукиет. Он собирал их в течение всей своей жизни и знал в них толк. Пациенты, проведав о его хобби, нередко дарили ему ханукиет, но в основном он приобретал их сам. Так появилась у него постоянно пополняемая уникальная коллекция ханукиет, сделанных в Германии, Австрии, России, Голландии, Сев. Африке, Марокко, Чехии и других странах. В музее выставлены для обозрения некоторые из них, разные по форме, - в зависимости от страны, времени и мастерства исполнения. Есть ханукиет, где неприменным атрибутом является изображение Храма - то в виде готического собора, то в виде минарета, то в виде церкви. На многих геральдические львы, символ колена Иехуды, - словом, в музее

есть на что посмотреть и над чем задуматься...

И еще о чем я не сказала ранее. Несмотря на огромную занятость, чета Тихо любила устраивать приемы. У них в доме бывали поэты, писатели, музыканты, политические деятели, в частности, желанными гостями были четвертый президент Израиля Эфраим Кацир, мэр Иерусалима Тедди Коллек, а в 30-х годах, когда началась алия из Германии, в их доме собирались немецкие евреи. И тогда здесь говорили только на немецком. Общение на родном языке давало возможность выговориться, встретить понимание и сочувствие гостеприимных, все понимающих хозяев.

15 октября 1960 г. д-ра Авраама Тихо не стало. Но со смертью хозяина жизнь в доме не прекратилась. Вдова, когда-то молодой девушкой учившаяся в венской художественной школе, опять встала за мольберт. Впрочем, она никогда не переставала рисовать. Анна Тихо посетила Италию, но писать природу этой страны не могла. Тянуло к родным пейзажам. На стенах музея развешаны работы Анны Тихо: пейзажи Палестины и Иерусалима, портреты. Тушь, пастель, акварель. Предельная лаконичность и четкость. Узнаваемость...

В 1980 г. Анна Тихо скончалась. Детей у супругов не было. За гробом шли друзья и знакомые. Свой дом и сад Анна Тихо завещала государству с условием реставрации дома и превращения его в музей, вход в который должен быть бесплатным.

Возникли трудности. Одни считали, что старый дом надо снести и проложить на этом месте дорогу. Другие, это были любители Иерусалима, с пеной у рта доказывали ошибочность и пагубность такого утверждения и требовали немедленно приступить к реставрационным работам. Победила вторая точка зрения.

Уже в самом начале реставрационных работ обнаружилось, что дом нуждается в капитальном обновлении фундамента, фасада, потолков и стен. Словом, в 1984 г. ремонтные работы были завершены. Возвели новый фасад, перепланировали внутренние помещения, переделали потолки, перекрытия, лестницу, обновили сад. В центральном зале, на первом этаже, открыли кафе, библиотеку, небольшой магазин сувениров второй этаж превратили в музей и сделали все очень деликатно: ни спален, ни обеденных столов, ни богатых ковров, которыми были устланы полы, ни домашней утвари, ни посуды не выставили на обзор посетителей. Только картины... Недаром дом носит официальное название "Музей Анны Тихо" и является филиалом Музея Израиля. Кроме картин стол, за которым работал Тихо, книжный шкаф, старинный рояль, камин и на специальных столах, под стеклом, письма, статьи, заметки да в витрине на стене коллекция ханукиет. Но странно: вроде все новое - комнаты перепланированы, и они уже не такие, как прежде, а дух дома живет, сохранился - может, в картинах, немногочисленных вещах, к которым прикасались хозяева дома, а может, все это мне кажется... Но ведь буквально в двух метрах от этого теперь уже ухоженного дома и прекрасного сада центральная улица Иерусалима, Яффо. Там гудки машин и автобусов, песни, льющиеся из приемников, включенных на всю катушку, крики, как на шуке, а здесь тихо, спокойно и уютно. Перед входом в дом белые столики, белые кресла, зонты от солнца, неслышно снуют официанты, никто никуда не торопится, никто не кричит. И я думаю, что, на самом деле, мне ничего не кажется, потому что все так и есть.

Квартал Давида Райза

Увлечшись рассказом о доме Тихо, я забыла сказать, что попасть сюда можно не только с улицы Рава Кука, но и Невиим, параллельной главной магистрали города, улице Яффо. Квартал Давида Райза, состоящий из одной улочки и двух домов, вымощен иерусалимским камнем, чист и опрятен. Слева от входа в белых каменных кадках молодые деревья, справа - вход в подворье Давида Райза. Польский еврей, иерусалимец, не имевший наследников, он откликнулся на первый же призыв пожертвовать деньги на строительство дома для малоимущих и, таким образом, явился основателем квартала, который впоследствии был назван его именем. Когда в 1873 г. дом был построен, его заселили десятью ашкеназийскими семьями, чувствовавшими себя здесь, на новом месте, в относительной безопасности. Дело в том, что в те годы жизнь вне стен Старого города была сопряжена с известной опасностью: кругом сновали банды бедуинов, которым ничего не стоило убить и ограбить евреев. Поэтому при постройке жилых домов в целях безопасности фасады были обращены внутрь дворов. Внешне дома походили на крепость с метровым арочными входами и массивными воротами, запирающимися на ночь. В таком закрытом дворе должен был быть один или несколько колодцев.

Здесь сохранилось два колодца, из которых теперь не черпают воду: они закрыты каменной крышкой. Конечно, на протяжении многих лет планировка двора менялась, о чем свидетельствует довольно пестрая каменная кладка стен. Да это и понятно: разрастались семьи, дешевле было достроить или перестроить дом, чем купить новый. С течением времени прорубили окна на улицу, сняли ворота с петель, отремонтировали или переделали внутренние перекрытия, и в 1902 г. достроили второй этаж, где через несколько лет поселился с семьей рав Кук. В последний раз дом перестраивался в 1922 г. Несомненно, старый жилой дом хранит немало тайн и историй. Если бы я приехала сюда лет тридцать назад, то непременно знала бы их...

Музей рава Кука

Рядом с двором Бет Давид дом рава Кука. Входная арка, но не столь массивная, как в соседнем дворе. Двор открытый, поскольку строился уже в двадцатые годы нашего века. Кустарники и ветвистые деревья дают приятную тень и прохладу. Здание двухэтажное окна первого этажа заколочены, и оттого весь дом кажется потухшим и заброшенным. Первое впечатление усиливает наружная лестница из камня, которая снизу выглядит ветхой и неустойчивой. Робко поднимаюсь наверх. Робко, потому что здесь жил, работал и умер Аврахам Ицхак ха-Кохен Кук, раввинский авторитет, исследователь Талмуда и Танаха, мыслитель, мистик, поэт.

Открываю тяжелую дверь и попадаю в дом-музей рава Кука. С фотографии смотрит средних лет человек в черном штреймл, похожем на шапку-кубанку. Длинная борода с сильной проседью, покатый лоб. В живых и совсем не печальных глазах нет привычной еврейской мировой скорби. Марк Шагал был поражен его лицом: "Откуда у этого человека такое святое лицо?" - воскликнул он после первой встречи с равом.

В рабочем кабинете рава Кука во всю комнату стол со спускающейся с потолка лампой под матовым абажуром. Закрытые, без стекол, темно-коричневые книжные шкафы. В одном из них хранятся пальто и штреймл, в котором рав запечатлен почти на всех фотографиях. В остальных шкафах - книги на иврите, немецком, идише, русском и английском, с дарственными надписями авторов и написанные в различные периоды жизни самим равом: "Орот ха-тшува" ("Огни раскаяния", 1955), "Игрот ха-Реайа" ("Эпистолы р.Аврахама Ицхака ха-Ко-хена", 1962-65), "Орот" ("Огни", 1961), "Орот ха-ко-деш" ("Огни святости", 1963-64).

Ближе к окну высокий пюпитр, за которым рав Кук имел обыкновение писать. Рядом с кабинетом большой просторный зал с шестью окнами, встроенными в ниши. Около правой стены вытянутый в длину большой стол со скамьями и рядом - квадратный стол с креслом. В этой комнате рав Кук принимал гостей: раввинов Эрец-Исраэль и диаспоры, ортодоксальных евреев и лидеров рабочего движения, сионистов и представителей британской администрации, учащихся иешив и студентов. В шабат в этой комнате происходила "сеуда-шлишит" - третья трапеза, во время которой обычно выступал сам рав Кук. По рассказам участников субботних трапез, рядом с креслом рава Кука стояло еще одно, предназначенное для его отца. Заслышав знакомые шаги, рав Кук вставал, за ним поднимались гости и не садились до тех пор, пока не войдет и не сядет отец рава, затем он сам.

Скромную обстановку зала украшают несколько литографий в простых рамках. На одной из них - рав Элияху бен Шломо Залман, виленский Гаон, на другой, почти у самого окна, - раввин и знаток Галахи Моше Иехошуа Лейб Дискин, поселившийся в Иерусалиме в 1887 г. и возглавивший здесь группу крайних ортодоксов нехасидской общины. Я обратила на них внимание, потому что рав Кук, не разделяя полностью взглядов этих раввинов, высоко ценил их талмудическую ученость и счел возможным оказать им дань уважения и признательности, поместив их фотографии в своем доме.

В следующей комнате музея стенды с фотографиями. Посетитель словно перелистывает семейный альбом, где семья - это евреи ишува и галута. Внешние события, запечатленные на снимках, свидетельствуют об интенсивности внутреннего мира рава.

По фотоснимкам можно воссоздать биографию рава Кука. Он родился в маленьком еврейском местечке Латвии в 1865 г. Получил традиционное еврейское образование. Блестящие способности и тяга к образованию открыли перед ним двери Воложинской иешивы, духовного центра русского еврейства. Большое влияние на него оказал руководитель иешивы раввин Нафтали бен Цви Иехуда Берлин. В Поневеже Аврахам Кук наряду с Талмудом изучал Библию, знакомился с еврейской и

общей философией, Каббалой. По-видимому, это были годы становления его личности, формирования его как талмудиста, философа и ученого. Он приобрел большую известность в Латвии и Литве, в иешивах которых проработал шестнадцать лет. Ученого раввина приглашают в Вильно, Ковно и Яф-фо. Он выбрал Палестину и в 1904 г. прибывает в Яффо. Здесь он руководит иешивами, читает курс лекций по Талмуду и еврейской философии, организует иешивы, в которых обучение Талмуду проводится параллельно с общеобразовательным. Общительный человек с широким диапазоном интересов к религиозной и светской жизни, он поддерживает добрые отношения с халуцим, с представителями рабочего движения, ревизионистами и ортодоксами из Агуддат Исраэль, стремившимися сохранить устои еврейской религии и еврейской традиции на основе Галахи. В 1914 г. его приглашают в Европу на конференцию Агуддат Исраэль. Здесь его застала Первая мировая война. Прожив недолго в Швейцарии, он переезжает в Лондон и возглавляет столичную иешиву. В 1919 г. он вернулся в Эрец-Исраэль, поселился в Иерусалиме и вскоре был назначен главным раввином города, а в 1921 г. был утвержден главным ашкеназийским раввином Эрец-Исраэль. Этот пост он занимал до конца своей жизни (1935).

Рав Кук похоронен на Масличной горе, той самой, откуда придет Машиах. Память о выдающемся раве жива и в доме-музее, и в центральной иешиве его имени, и в его трудах, и воспоминаниях о нем, и, наконец, в истории еврейской философии. Из доступных мне источников на русском языке я поняла, что это была сильная личность, абсолютно свободная в своих высказываниях, не идущая на компромиссы даже тогда, когда они могли бы предотвратить разрыв с политическим или религиозным движением, которое он прежде поддерживал, или с друзьями.

Так, приветствуя халуцим и разделяя их стремление строить еврейский очаг в Палестине, он не мог принять их атеизма. Выступая в защиту Ставского, обвиненного в убийстве лидера рабочего движения Арлозорова, он шел на открытую конфронтацию с движением, которое поддерживал первоначально. Ортодоксальный еврей, он считал, что не прогресс науки угрожает религии, но отставание от нее религиозной мысли. Рав Кук мечтал о создании таких иешив, в которых наряду с Библией и Талмудом изучались бы светские науки, философия, ораторское искусство и литературное мастерство, столь необходимые для будущих раввинов. И вместе с тем, я думаю, живи рав Кук сейчас, он призывал бы к терпимости между верующими и неверующими, приверженцами левых и правых партий, предостерегал бы от всеобщей неприязни и ненависти, напоминая, что "Второй храм был разрушен из-за беспричинной вражды. Вероятно, он будет восстановлен благодаря искренней и беспричинной любви". Впрочем, не знаю, повлияли бы призывы Кука на моих современников, но чем больше углубляется раскол между евреями нашей страны, чем чаще я вспоминаю его слова.

И наконец, последняя комната музея - синагога. В этой синагоге-комнате небогатое убранство - в стиле всего дома. Скамьи для молящихся, арон кодеш, около которого, ближе к окну, кресло, подаренное раву Куку Верховным комиссаром британской администрации Гербертом Самуэлем, поддерживавшим с уважаемым раввином дружеские отношения. Именно он пригласил рава Кука на открытие в 1925 г. Еврейского университета на горе Скопус, где рав произнес блестящую речь.

Табличка с надписью у дверей сообщает, что деньги на эту синагогу пожертвовал филантроп, рав Исраэль Аарон Фишель.

Из синагоги можно попасть на балкон, выходящий на улицу Невиим (Пророков) и стоянку машин. Конечно, во времена Кука этой переполненной машинами стоянки не было и вид на улицу Пророков и отходящие от нее узкие кривые улочки был более патриархальный, чем теперь, но важно, что на этом балконе обычно устраивалась сукка.

Здесь, в синагоге, первоначально находилась иешива Мерказ ха-рав, раввинатский центр. Впоследствии, уже после смерти рава Аврахама Кука, его сын и последователь рав Цви Иехуда бен Аврахам Ицхак-Кохен Кук возглавил вместе с шурином, равом Ш.Н.Раананом, специально построенное современное здание Мерказ ха-рав, находящееся недалеко от въезда в Иерусалим.

Закончился осмотр музея. Спускаюсь по лестнице и вспоминаю фотографию, на которой запечатлен прием, устроенный равом в саду. Прикидываю, где мог стоять стол для приглашенных, но места для него не нахожу, и думаю о том, что для друзей, посещавших рава, место было не столь важно. Важно было слушать знаменитого рава, учиться у него терпимости и доброте. О мудрой доброте рава Кука интересно рассказал израильский писатель, лауреат Нобелевской премии Агрон Шмуэль Йосеф. Он был частым гостем в доме рабби, как почтительно Агрон называл рава Кука.

В одной из иерусалимских типографий - повествует писатель - без ведома ее владельца рабочие напечатали листовку, в которой содержались злостные нападки на рава Кука. Владелец типографии, большой почитатель раввина, очень огорчился и содержанием листовки, и тем, что ее написал его друг, и, наконец, тем, что если уничтожить набор, рабочие понесут большие убытки. Он пришел к раву Куку и все ему рассказал. Вот что ответил рав: "Это не единственная типография в Иерусалиме, и, если ты уничтожишь весь тираж, найдется другая типография, которая напечатает все, что он захочет... Поэтому возвращайся в типографию и отдай готовую работу заказчику. Пусть делает все, что хочет, а Господь милосердный искупит!" И Агнон спрашивает читателя: "Найдется ли еще такой человек, в котором пребывает дух Божий и который смолчит, видя, что против него замышляют недоброе?" Агнон утверждает, что людей такого душевного склада, как рав Кук, мало: "Им не присуща ненависть к ненавистникам, они молча сносят обиды и даже, если могут предотвратить неприятности для себя, они оставляют все, как есть, и не делают этого".

Таким человеком был рав Кук. Конечно, личные качества великого раввина не отражены в экспозиции музея, но атмосфера, в которой он жил, по-моему, передана.

Русское подворье

Впервые я попала на Русское подворье в 1982 г. по довольно печальному обстоятельству: русская женщина, с которой я тогда работала, получила телеграмму из Москвы о смерти отца и просила меня заказать молебен в церкви. Я отправилась в Троицкую церковь на Русское подворье - благо оно находилось недалеко от учреждения, в котором мы работали.

Стоял холодный ноябрьский день, не переставая лил дождь. Церковь и наискосок от нее Русская миссия были закрыты. Постояв в растерянности перед дверью, я заметила художавую фигуру в черной рясе под зонтом, вынырнувшую откуда-то слева. Пойдя, как говорится, по следу, я оказалась перед входом в здание, на фасаде которого значилось "Московская ортодоксальная патриархия". Позвонила. Долго не открывали, и наконец в проеме двери появилась молоденькая монахиня, вся какая-то пухленькая, сдобная и чем-то напоминавшая мне мопассановскую Пышку. На порог эта милая монахиня меня не пустила - очевидно, из-за того, что в помещении что-то происходило: оттуда раздавался шум и гул, и вообще было очень оживленно. Стоя под зонтом, я излагала суть дела. Выслушав, женщина улыбнулась, на ее щеках появились ямочки и, обдав меня винным запахом, весело проворковала: "Сейчас нельзя. Мы справляем поминки по Брежневу. Приходите через недельку!" - и захлопнула перед моим носом дверь.

"Ну и ладушки, что помер!" - заключила мой отчет приятельница. - Только зря ты туда пошла! Это же красная церковь, а мой отец всю жизнь ненавидел советскую власть! Когда прояснится, пойдем на Масличную гору, в белую церковь Марии Магдалины.

Неделю спустя мы стояли перед входом в церковь Марии Магдалины. У двери прочли объявление, написанное дореволюционным шрифтом, через "ер" и "ять": "Вход большевикам и коммунистам воспрещен!", "Это мне подходит!" - заявила приятельница и смело вошла во внутрь.

Так я узнала о смерти Брежнева и о существовании в Израиле двух церквей - красной и белой.

Русское подворье (Миграш ха-руси) - площадь в центре Иерусалима, около мэрии, в нескольких минутах ходьбы от Старого города. Название появилось в 19 в., когда началось ее заселение русскими священнослужителями и паломниками.

История площади восходит к 701 г. до н.э. и связана с ассирийцами, расположившимися здесь лагерем перед наступлением на Иерусалим. Однако из-за поразившей войско эпидемии они вынуждены были повернуть назад. В 70 г. н.э. на этой территории стоял X римский легион, разрушивший Иерусалим и Храм.

На протяжении последующих столетий площадь использовалась для различных целей. При турках (16 - нач. 20 вв.) - для военных парадов, смотров и учений. В одном из зданий подворья находилась тюрьма. С 18 в. земля принадлежала семейству Таунус, а площадь называлась Хамидан. В 1860 г. Россия приобрела подворье со всеми постройками, заплатив владельцам земли 733 190 рублей. Эта

сделка была вполне в духе времени, так как происходила в период упадка Османской империи и проникновения на Ближний Восток западноевропейских держав, осуществлявших под эгидой церкви скрытую колонизацию земель, которые в недалеком будущем могли бы оказаться бесхозными. Действительно, в Палестине скупались земли, строились церкви, монастыри, странноприимные дома, поощрялось паломничество. В 1858 г. Россия открыла в Иерусалиме Русскую духовную миссию, которую возглавил известный в то время востоковед, участник экспедиций на Ближний Восток, епископ Порфирий (Успенский).

В 1882 г. на базе существовавшего в Петербурге Палестинского комитета было создано Императорское православное палестинское общество, председателем которого стал Великий князь Сергей Александрович, убитый в 1905 г. террористом Каляевым. Одной из целей общества было финансирование покупок земель и строительства церквей в Иерусалиме и других христианских местах Палестины.

Итак, на купленной у семейства Таунус площади по проекту заранее побывавшего в Иерусалиме петербургского архитектора Мартина Ивановича Эппингера приступили к возведению первых христианских построек вне стен Старого города. Весь участок был обнесен стеной, представлявшей собой четырехугольник, внутри которого размещались: Троицкий собор, увенчанный десятью зелеными куполами тульского литья, больница, постоялый двор для паломников, русское консульство, Русская духовная миссия Московской патриархии, Елизаветинское, Николаевское и Сергиевское подворья. Строительство Русского подворья было завершено в 1903 г. Тогда-то и началось массовое паломничество русских на Святую землю, которую они называли и Землей желания, и Землей евреев, и Иудеей, и Землей Обетованной, а арабы - Московией. (Замечу, что на самом деле русское паломничество восходит к 11 в.) Русское подворье было самым большим из всех владений иностранных держав в Палестине, и ходили слухи, что Россия скупает земли для ее завоевания. Россия действительно вела покупку и интенсивную застройку территорий. Так, в Старом городе, рядом с Церковью гроба Господня, построили Александровское подворье с церковью Александра Невского за чертой Старого города, у Новых ворот, тоже совершили сделку на приобретение земель, а в 1888 г. на личные средства Александра III в память его матери Марии Александровны на Масличной горе воздвигли церковь Марии Магдалины. Она и поныне стоит, эта красивая церковь с пятью куполами-луковицами и иконостасом работы художника В.Верещагина. На вершине Масличной горы в 1870 г. построили церковь Вознесения с 64-метровой колокольной, названной Русской свечой, и там же открыли действующий и сегодня женский православный монастырь, принадлежащий белой церкви.

Но вернемся на Русское подворье. В 1917 г. большевики, объявившие себя наследниками собственности Российской империи, отказались выплачивать царские долги и выполнять его обязательства. Имущество церквей было брошено на произвол судьбы, многие священнослужители либо сами бежали на Запад, либо были изгнаны. Русская православная церковь за границей, верная царю и отечеству, взяла на себя управление русскими церквями. И когда Великобритания получила мандат на Палестину, она стала считать все церкви, монастыри и земельные угодья собственностью белой церкви за границей, т.е. церкви, находящейся за пределами СССР. Что стало с Русским подворьем? Англичане превратили постоялый двор для монахов в центральную тюрьму, русскую больницу в военный госпиталь, одно из подворий - в бордель. После Первой мировой войны Алексей I приехал в Иерусалим и вел переговоры с англичанами о восстановлении контроля Московской патриархии над церквями и монастырями. Но английский мандат на Палестину заканчивался, и решения принято не было. После окончания Войны за Независимость в 1949 г. Иерусалим был поделен между Иорданией и Израилем. Русское подворье и женский Горний монастырь в Эйн-Кереме, оставшиеся на территории Израиля, по настоянию советского правительства, были переданы Московской ортодоксальной патриархии, т.е. красной церкви. Церковные строения и угодья, находившиеся на территории, отходившей к Иордании, принадлежали белой церкви. После восстановления целостности Иерусалима их статус не изменился. Во всяком случае, до распада СССР церкви существовали раздельно.

В начале 60-х гг. советское правительство решило продать Израилю большую часть церковного имущества, включая постройки и земли. Переговоры завершились в 1964 г., уже при Хрущеве, так называемой "апельсиновой сделкой". За землю и пять зданий на Русском подворье Израиль уплатил апельсинами на сумму пять миллионов долларов. Таким образом, мы откупили почти все Русское подворье за исключением, конечно, Троицкого собора, Русской духовной миссии при Московской ортодоксальной патриархии. Здание Русской духовной миссии арендовано израильским Верховным судом. Спорным оказалось Сергиевское подворье, находящееся несколько на отшибе. Через мощные

арки ворот вы попадаете в небольшой, закрытый со всех сторон сад. В саду две башни в мавританском стиле, небольшой бассейн с водоплавающими растениями. Вокруг эвкалипты и кустарники, а по углам на мелкой гальке своеобразный археологический музей под открытым небом: камни для давления олив, приспособления для перегонки и очистки масел, цепи для поднятия воды из колодцев, жернова для размола олив и т.д. Некоторые находки относятся к римским и византийским временам, некоторые к более позднему времени, например к эпохе крестоносцев. Весь этот живописный уголок как бы взят в кольцо строений, одно из которых теперь принадлежит Обществу по охране природы, другое - Министерству сельского хозяйства. Старожилы вспоминают, что во времена Британского мандата здесь находились департаменты общественных работ и лесных угодий, а также британская Иммиграционная служба. В главном здании, где когда-то жили именитые гости, заколочены и выбиты окна - должно быть, внутри царят хаос и запустение. И, словно напоминанием о необходимости очистки этих авгиевых конюшен, высоко над дверью висят декоративные, а может, и настоящие грабли.

Недавно закончили реставрацию центральной башни Сергиевского подворья, на фронтоне которого, как и почти всех зданий Русского подворья, эмблема Императорского палестинского общества: круг, внутри которого начертаны две греческие буквы - альфа и омега и две русские - Р.Х. (Рождество Христово) и по всему кругу славянской вязью слова пророка Исайи: "Ради Сиона не умолкну и ради Иерусалима не успокоюсь".

Как используются откупленные Израилем здания Русского подворья? Здесь находится полиция, Окружной суд, несколько отделов Верховного суда Израиля, Оружейный музей, предварительная тюрьма и на пустующих площадках - стоянки для машин. Русское подворье - оживленное деловое место. Звучит иврит, арабский, английский, русский. Обычная для Иерусалима многоязычность. На некоторых зданиях сохранились прежние названия (на русском языке): Елизаветинское подворье, Николаевское подворье, Духовная миссия и т.д. Часто на Русском подворье можно видеть туристов, сгрудившихся около лежащей в специально прорубленном канале большой серой колонны с поперечными трещинами. Ее нашли в 1871 г. - очевидно, во время прокладки фундамента под какое-то здание. Колонну относят к I в. до н.э., т.е. к периоду Второго храма. Возможно, здесь были мастерские по производству колонн и, когда колонну поднимали, она треснула. Впрочем, точно ничего неизвестно. Известно лишь только то, что здесь она пролежала в течение многих веков. Такова ее судьба. Изящные колонны Храма рухнули в одночасье, а эта, изначально немощная, невостребованная колонна, сохранилась в веках как безмолвный экспонат многочисленных парадоксов нашей истории. И, проходя мимо Русского подворья, я радуюсь, что большая часть его построек принадлежит теперь Израилю, а слова еврейского пророка Иешаяху "Ради Сиона не умолкну и ради Иерусалима не успокоюсь" я воспринимаю однозначно: конечно, Иешаяху имел в виду наш, еврейский, Иерусалим.

[Далее](#)



Ваша оценка этой темы

1 2 3 4 5

Перед Вами электронная версия книги «МОЙ ИЕРУСАЛИМ», Полина Кляйнер.

Еврейский квартал

Можно ли себе представить, что в английских, немецких и французских городах есть английские, немецкие или французские улицы и кварталы? А у нас, в еврейском государстве, в еврейской столице, возможно. В Старом городе. И никого это не удивляет - ни тех, кто знает нашу историю, ни тех, кто ее не знает и знать не желает. Так сложилось. Есть же в Старом городе Христианский квартал, образованный в 4 в.н.э., когда в Иерусалим пришли византийцы, изгнавшие евреев, Мусульманский, существующий с 7 в., Армянский - с 17 в. Почему бы не быть и Еврейскому? Правда, иудеи основали город и жили здесь, когда еще и в помине не было ни христиан, ни мусульман. Но ведь иудеев изгнали, а когда они вернулись, места уже были заняты, распределены между народами, тоже почитавшими эту горящую землю. Так уж получилось, что свой опыт жизни в городах галута, где особые районы и улицы отводились для проживания евреев, они перенесли сюда, в Иерусалим. И вот при турках, в 16 в., образовался целый еврейский район, где поселились одни евреи. Это давало им возможность вести свой национальный образ жизни, выполнять предписания религии и вселяло определенную уверенность в коллективной защите от возможных погромов. При этом надо заметить, что первоначально еврейские кварталы не имели ничего общего с гетто: они не были обнесены стенами, не имели ворот и четко очерченных границ, и каждый в любое время суток мог приходить сюда. Впрочем, турки не принуждали евреев жить обособленно, практически они имели право селиться в любом месте Старого города, и не случайно на стенах домов в Мусульманском квартале нередко встречаются продолговатые углубления в местах, где были мезузы.

Современный Еврейский квартал Старого города территориально граничит с армянским и мусульманским, но никакой границы, или, как политики сейчас говорят, линии размежевания, между ними нет. Исторически Еврейский квартал расположен на том месте, которое когда-то, в эпоху Второго храма, называлось Верхним городом и где жила знать теперь же здесь живет преимущественно религиозное население. После Шестидневной войны Иерусалим был воссоединен и разрушенный Еврейский квартал был отстроен по старым и новым чертежам по существу заново. Были возведены современные жилые постройки, реконструированы поднятые из руин синагоги и иешивы, воссозданы средневековые улочки с лабиринтами переходов и тупиков, открыты для обозрения историко-археологические памятники. Здесь много музеев, дающих возможность прикоснуться к древней истории и хотя бы примерно прочертить в своем воображении трехтысячелетний путь Иерусалима. И, вместе с тем, Еврейский квартал - вполне современный район с банком, почтой, кафе, магазинами и, конечно, музеями.

Дом Вейнгартена

Для меня Еврейский квартал Старого города начинается с дома музея-Вейнгартена. К нему ведут несколько дорог. Мы пойдем по узкой проезжей улочке, на первый взгляд ничейной, а на самом деле принадлежащей армянской концессии. Дойдя до армянской патриархии, свернем налево и окажемся на ул. св. Джеймса. Улочка типично иерусалимская: глухие высокие стены и вверху, почти под крышами, зарешеченные окна. Осенью и зимой здесь не дуют такие пронизывающие порывистые ветры, как всюду, а в зной прохладно. Если держаться ближе к стенам, солнце вообще не достанет. Улочка, изгибаясь, выведет к другой, такой же извилистой и неровной, как десятки других в Старом городе неожиданно с правой стороны появится вывеска: музей, дом Вейнгартена. Войдем в его прохладный полумрак, купим входные билеты и окажемся в помещении со сводчатыми потолками в незнакомом и все же таком щемяще знакомом нам, выходцам из России, удивительном, почти ожившем мире. Но все по порядку. Прежде всего, что это за дом и кто такой Вейнгартен?

Вернемся к 1948 г., когда англичане после тридцатилетнего правления на Святой земле покидали Иерусалим. Л. Колинз и Д. Лапьер в своей книге "О, Иерусалим" запечатлели последние часы пребывания английских войск в Иерусалиме и встречу с Вейнгартеном. Вот как они ее описывают: "Колонны шли по еврейской улице, и из украшенных каменными орнаментами окон синагог, из

темных проходов талмудических школ вслед уходящим смотрели бородатые старцы, чьи предки видели, как покидали Иерусалим другие воины: вавилоняне, ассирийцы, римляне, персы, арабы, крестоносцы и, наконец, турки - предшественники вот этих британских солдат, чья недолгая тридцатилетняя власть в Иерусалиме кончалась сегодня. ...Последняя покидавшая город колонна британских солдат неожиданно остановилась, повернула назад и двинулась по узкой мощеной улочке, ведущей к армянскому патриархату. Она остановилась под аркой ворот дома №3 по улице Ор Хаим.

В доме в окружении старинных книг и традиционного еврейского серебра сидел рабби Мордехай Вейнгартен, глава общины еврейского квартала Старого города. Погруженный в благочестивые размышления, он не сразу осознал, что кто-то стучит в двери. Наконец, когда стук повторился два раза, рабби Вейнгартен встал, надел жилет и лапсердак, черную шляпу, поправил на носу очки в золотой оправе и вышел во двор. Перед ним стоял человек средних лет, майор британской армии... В Правой руке он держал железный штырь длиной в Добрый фут. Торжественным жестом майор протянул этот странный предмет старому рабби. Это был ключ от Сионских ворот Старого города.

- С семидесятого года нашей эры, - сказал майор, - этот ключ ни разу не был в руках евреев. Впервые за восемнадцать веков ваш народ получает ключи от Старого города.

Вейнгартен протянул дрожащую руку и взял Ключи от Старого города.

Еврейская легенда гласит, что когда Тит разрушил иерусалимский Храм, жрецы Храма бросили Ключи в небо, крича:

- Господь, да будешь ты хранитель этих ключей!

Теперь ключи от Иерусалима были возвращены евреям, и столь странный и неожиданный исполнитель Божьей воли встал по стойке смирен и отдал честь рабби".

Вот и мне, изредка бывающей здесь, хочется передать чувства почтения к этому дому, где жили знаменитые евреи и где сохранен дух еврейского Иерусалима.

Это здание построено при турках и приобретено либо у армян, либо у арабов. Здесь в 1534 г. родился выдающийся еврейский законоучитель, каббалист Лурия Ицхак Бен Шломо Ашкенази, известный по сокращенному имени ха-Ари ха-Кадош - святой Арье (Святой лев). Его отец происходил из ашкеназийской семьи, мать - из сефардской. После смерти отца Лурия Ицхак бен Шломо Ашкенази был увезен на родину матери в Египет. Юношей он увлекался мистикой и впоследствии составил комментарии к книге "Сокровения", в которой излагал свою собственную систему Каббалы. За два года до смерти (он умер в 1572 г.) переехал на Святую землю, поселился в Цфате и намеревался приехать в родной город, Иерусалим, но неожиданно умер. В Цфате, он и похоронен. Его именем названы две ашкеназские синагоги в Цфате и вот здесь, в этом доме, - одна. В синагоге хранятся молитвенники, в которые включены сочиненные им самим три гимна к религиозным праздникам.

В этом доме жил и другой, не менее знаменитый человек, сефардский раввин Хаим бен Атар, или, сокращенно, Ор Хаим (Свет жизни), чьим именем названа улица. Крупнейший раввин Марокко, родившийся в 1696 г., он уже в преклонном возрасте приехал в Палестину. Сначала жил в Акко, затем, в 1773 г., в Иерусалиме, в этом доме, где через год скончался.

В 1812 г. это двухэтажное здание купил богатый человек - некто Розенталь, основавший ашкеназийскую общину Иерусалима. Раввин Вейнгартен, женившись на его внучке, и стал владельцем этого дома.

Дочь раввина Вейнгартена, Ривка, после Шестидневной войны и смерти родителей решила превратить этот знаменитый в своем роде дом в этнографический музей, где намеревалась, с одной стороны, отдать дань памяти двум выдающимся евреям, жившим здесь, а с другой - воссоздать, насколько это возможно, атмосферу, быт и образ жизни еврейской семьи в период турецкого и британского присутствия в Эрец-Исраэль. Эта задача Ривке Вейнгартен, на мой взгляд, вполне удалась. Более того, быт одной семьи невольно отождествляется со всем жизненным укладом еврейской общины и духовными интересами того времени.

Экспозиция музея занимает два этажа. На одном - ашкеназийская синагога ха-Ари ха-кадош, где

хранятся его труды и молитвенники. Рядом с арон кодеш в чехлах из парчи и шелка - Сефер Тора, в центре - бима (амвон) - возвышение для публичного чтения Торы, а вдоль стен скамьи. В углу - кресло Элияху. В следующих помещениях представлены жилые комнаты семейства Вейнгартен: столовая, спальни и детская. Жилые комнаты, отгороженные от посетителей едва заметной сеткой, создают иллюзию присутствия их обитателей: небрежно брошенная на спинку кресла шаль, забытые или оставленные на столе очки, добротные резные шкафы, виденные мною у бабушки, чашки с блюдами около медного самовара, то ли привезенного кем-то из России, то ли купленного у паломников, которым в ту пору не было числа, книги. Все это всамделишнее. Такое впечатление, что сейчас откроется дверь и войдут обитатели этого теплого дома, рассядутся по своим местам, пригласят тебя к столу, и последуют вопросы: "Кама зман ат ба арец? Эйфо ат гара?" А может, и не эти вопросы тебе зададут, а посерьезнее, или никаких вопросов - просто предложат чашку кофе. Все может прийти в голову, потому что музей располагает к подобным мыслям и чувствам.

Устроители музея не ограничились показом быта одной семьи. Они расширили рамки экспозиции, представив одежду и головные уборы, которые носили в те времена сефардские и ашкеназийские евреи: здесь и черные долгополые сюртуки, и блестящие темно-серые с черными полосами халаты, и красные турецкие фески и шляпы, отороченные мехом, штреймл и чалмы. В специально отведенной комнате представлены различные ремесленные мастерские: сапожные, слесарные, пошивочные - легкого и верхнего платья здесь и выдавшая виды швейная машинка "Зингер", купленная, наверное, еще при жизни ее создателя, самого герра Зингера, и зубокабинет со щипцами, зубными протезами, склянками и банками наконец, посетителю предлагается взглянуть на продукты, которые употребляли тогда в пищу: зерна, овощи, фрукты (хорошо выполненные муляжи), соленья, варенья.... И последнее на этом этаже - кухня.

В самом начале своего рассказа я заметила, что музей вызвал у меня какие-то щемящие чувства. Дело в том, что кухня мне напомнила далекое, казалось, давно забытое прошлое, и вдруг оно предстало передо мной в виде керосинок, примусов, оцинкованных баков, ванночек, стиральных досок, жестяных кастрюлек, сковородок, утюгов на углях и другой, такой знакомой с детства, кухонной утвари. Правда, в памяти сразу же всплыли коммуналки, но, слава Б-гу, здесь их не было, иначе непременно показали бы. Рядом с кухней открытый дворик. Всего таких открытых двориков в доме Вейнгартенов было три, и в каждом из них обязательно колодец - без воды нельзя. Сейчас его не видно. Зато во дворике развешано белье. Признаться, придя первый раз в музей, я была неприятно поражена совершенно некстати выставленными напоказ предметами туалета и старалась быстрее увести отсюда экскурсантов. Но однажды туристка-этнограф, которой я показывала музей, наметанным профессиональным глазом распознала в белье музейный экспонат. Сделанное из плотного белого полотна, аккуратно прошитое белыми шелковыми нитками, это белье производит впечатление необычайной добротности, которую уже не встретишь теперь, пожалуй, нигде. Да, раньше строили и шили на века, а теперь - на сезон.

Второй этаж здания отведен под синагогу, Ор Хаим, женскую молельню, иешиву, которую Ор Хаим учредил на свои собственные средства и преподавал в ней. Рядом небольшой, но очень уютный дворик для отдыха и возведения сукки. Из этого дворика по лестнице можно спуститься на улицу и на первый этаж. Нет, это удивительно! Дом, фасад которого ничем не привлекает нашего внимания, оказывается полон каких-то таинственных, незаметных с улицы, внутренних двориков, источников воды, переходов, лестниц и Б-г весть чего... Есть здесь, на втором этаже, и личная молельня бен Атара, но она обозначена лишь символически: мерцающим красным светом наверху, на стене комнаты, а миква - переливающимся голубым - внизу стены. Осталось упомянуть о двух учебных комнатах с традиционными скамьями, книжными шкафами и столами. И хотя здесь уже давно никто не живет и не молится, ощущение такое, что ешиботники и религиозные женщины куда-то вышли и скоро вернуться и помещение опять наполнится живым человеческим теплом и шумом.

Такова история этого дома по улице Ор Хаим, 3, такова судьба его обитателей, такова обстановка, в которой они жили.

Ключ от Иерусалима в музее Вейнгартена я не обнаружила. Возможно, он пропал, потому что город оказался в руках иорданского легиона и семья раввина попала в плен. Естественно, много вещей было утеряно, украдено, растаскано, но даже если ключ исчез, сам факт его возвращения раввину Иерусалима весьма символичен и знаменателен, так как этим восстанавливалась связь времен и в Иерусалим вернулись его подлинники хозяева.

Кардо

Пожалуй, не найдется человека, побывавшего в Старом городе и не видевшего Кардо. Эта древняя улица находится примерно на полтора этажа ниже современной. Так что если вы побываете здесь, вас непременно охватит странное ощущение: спустившись на Кардо с улицы 20 века, вы окажетесь на улице 2-5 веков. Здесь, на Кардо, всегдалюдно, потому что интересно походить по древней, когда-то центральной магистрали города.

История Кардо восходит ко 2 в. н.э., когда после окончания иудейской войны в 70 г. Иерусалим более шестидесяти лет лежал в развалинах. В 130 г. здесь проездом останавливался римский император Адриан, который пообещал восстановить город и Храм. Однако вскоре иудеи убедились, что строит он не еврейский, а языческий храм в честь бога Зевса Олимпийского и собирается отстроить не иудейский город, а греко-римский, который будет называться в честь его, императора, - Элия Капитолина (полное имя императора Публий Элий Адриан). В отстроенном городе, как и положено, будут воздвигнуты статуи не только в честь императора, но и в честь языческих богов. Эта идея императора была воспринята как тяжкое оскорбление национальных чувств, на которое народ ответил восстанием. Вождем восставших стал Бар-Кохба, которого сам идеолог "мятежников" раби Акива считал мессией. Восстание охватило всю Иудею, восставшие в 132 г. завладели Иерусалимом и три года удерживали там власть. Но в 135 г. римляне подавили восстание, Бар-Кохба был убит в сражении, раби Акиву предали страшной смерти - с живого содрали кожу. О том, насколько сложной и трудной была борьба с мятежными евреями, свидетельствует и то, что на подавление восстания был послан один из лучших полководцев Адриана, Север. Докладывая сенату о выполнении задания, Адриан упустил принятую формулировку: "Я и моя армия благополучны!"

А что стало с Иерусалимом? Он вторично был распахан, и началась его интенсивная застройка. Город еще некоторое время сохранял свое название - Элия Капитолина, но в дальнейшем оно не прижилось. Во всяком случае, в 4 веке он фигурирует в источниках под своим настоящим именем - Иерусалим. Однако второе имя, данное Адрианом Иудее, - Палестина, сохранилось и наряду с первым прочно вошло в исторический и культурно-бытовой обиход. Почему Адриан выбрал имя давно исчезнувшего народа филистимлян, сказать затрудняюсь. Может, он желал тем самым подчеркнуть неизбежную участь маленького народа, осмелившегося выступить против огромной империи? Так сказать, для размышления и остротки? Возможно но хочу лишь заметить, что тогда под Палестиной подразумевалась территория, населенная евреями и никем более.

Итак, Элия Капитолина была расчищена, евреям под страхом смерти запрещалось жить в городе, который римляне населили солдатами, а вскоре и христианами-паломниками. Город стал застраиваться по законам римской планировки: квадрат, внутри которого пересекающиеся под прямым углом улицы. Вдоль них тянулись ряды мраморных колонн, украшенных резными капителями. Главных улиц было две. Одна начиналась от Шхем-ских ворот и заканчивалась у Сионских, т.е. шла с севера на юг. Она называлась Кардо максима другая, шедшая с запада на восток - от Яффских ворот до Храмовой горы, - Кардо декоманус. На пересечении двух центральных улиц находился Форум - административный центр Элия Капитолина. На месте Храма воздвигли святилище Юпитеру, рядом - конную статую Адриана. Построили также две триумфальные арки. Город был окружен шестью воротами со множеством башен. Через два века, в византийский период, в Иерусалиме появились церкви, монастыри, постоялые дворы, жилые здания, больницы. Словом, иудейский Иерусалим превратился сначала в языческий, римский, - Элия Капитолина, потом в христианский. И хотя евреям по-прежнему не разрешалось жить в городе, они при любой возможности приходили на Масличную гору: кто в праздники, кто в периоды внезапного затишья.

Прошло восемнадцать столетий, в течение которых евреи не сражались за свои национальные и религиозные интересы, не воевали за свое государство - его попросту не было. И вот в 20 в. в результате Шестидневной войны израильтяне освободили Иерусалим, и доступ в почти полностью разрушенный Еврейский квартал Старого города был открыт. Уже через год после освобождения Иерусалима была разработана обширная программа восстановления и реставрации Старого города. Согласно этой программе, Старый город стал охраняемой государством исторической зоной, в которой строительные работы должны производиться только после завершения археологических раскопок. В результате тщательного изучения различных картографических, документальных, археологических и исторических материалов было установлено 330 мест, имеющих историческое и архитектурное значение. К одному из таких мест принадлежит Кардо. Итак, спустимся по лестнице на Кардо (что означает "сердце", "ось") и попадем в первую секцию, стоящую под открытым небом.

Некоторые называют ее Кардо византийское, имея в виду и время ее возникновения и, очевидно, ее высокие белые колонны, украшенные резными капителями в византийском стиле. На земле лежат остатки колонн. Слева от колонн, буквально под тротуаром, застроенным жилыми домами, три глубокие ниши, как бы вклиненные в открытую красно-коричневую многовековую породу. Здесь в византийскую пору находились магазины, где продавалась всякая всячина. В некоторых местах обнажена мостовая этого же периода.

Затем через небольшой коридор, проложенный в наше время, пройдем в маленький зал, на стене которого висит копия цветной мозаичной карты Медва, относящейся к 6 в. н.э. Это первая карта Святой земли и Иерусалима. Была она обнаружена в иорданском городе Медва, находящемся в 33 км от Аммана. Город когда-то принадлежал колену Реувена, и царь Давид включил его в состав объединенного царства, потом его отвоевали моавитяне, затем он опять попал к иудеям и хасмонейский царь Гиркан насильно обратил в иудаизм жителей города. Далее Медву завоевали наботеи, а с 106 г. н.э. она вошла в состав римской провинции Аравии. В городе постоянно жила еврейская община, а в византийский период - христианская. В Медве было много церквей, причем часть из них - с мозаичными полами и стенами. Очевидно, в период Юстиниана (6 в.) там жили мозаичные мастера, разрисовывающие нефы церквей мозаичными картинами и картами. Цветная мозаичная карта о которой идет речь, была обнаружена в 1884 г. при постройке новой церкви на месте древней, сильно разрушенной. Это была находка века, но только через 12 лет о ней стало известно ученому миру, спустя 70 лет немецким археологам и картографам предоставилась возможность реставрировать порядком поврежденную мозаику. На наше счастье, карта Иерусалима полностью сохранилась, и мы сейчас рассматриваем ее копию. (Оригинал находится в Иордании).

В верхней части карты по-гречески написано: "Хагиа полис Иерусалимо" (Святой город Иерусалим). Это означает, что в 6 в. Иерусалим уже не называли новым именем - Элия Капитолина, а своим, первоначальным. Карта составлялась на основе двух источников. Первый - книга отца христианской церкви архиепископа кессарийского, Евсевия, жившего в 4 в. н.э., - Ономастикой. В ней приводился алфавитный список упоминаемых в Библии и Евангелии географических названий, а также расстояний между городами и численностью их населения. Второй источник - римская путевая карта Святой земли с неравномерным в пределах карты масштабом. Иерусалим, к примеру, 1:1 650, а масштаб других городов меньше. Страны света обозначены не так, как принято сейчас. Восток, например, находится внизу. Жилые и общественные постройки помечены домиками различной конфигурации и величины. Так, мы можем различить Башню Давида, Храм гроба Господня, Дамасские ворота с круглой площадью и колонной посередине, пустырь на Храмовой горе и т.д. На карте отчетливо прочерчены две параллельно идущие улицы с колоннами.

Итак, вступаем на римское Кардо максима. Протяженность улицы около 2 км, ширина 22 м. Она разделена двумя рядами колонн на три полосы шириной 5,5 м. каждая. Боковые полосы когда-то были защищены от зноя и дождя навесом, укрепленным на крышах домов, тянувшихся вдоль улиц и колонн. Середина Кардо оставалась свободной для проезда лошадей. Дорога выложена камнями, напоминающими иродианские. В этом нет ничего удивительного. После разрушения Храма тесные плиты валялись еще очень долго на опустошенной земле, и они использовались для прокладки дорог или других целей. Проблема состояла только в их доставке на место строительства. Здесь, на Кардо, слева, мы видим древнюю стену, состоящую из различных по величине камней. Такое впечатление, что они были собраны в разных местах или от чего-то отколоты и накрепко пригнаны друг к другу.

И наконец, последний отсек Кардо максима, более современный, чем предыдущие. Сводчатые потолки, характерные для эпохи крестоносцев, ниши в стенах, используемые теперь, как когда-то византийцами, для магазинов. Их здесь немало. Но самое, пожалуй, интересное - это два колодца. Конечно, искусственных, не наполненных водой. В первом из них, под прозрачным пластиковым стеклом, где-то глубоко-глубоко, нечто вроде скалы. Это секция северной стены Иерусалима, построенной царем Хизкияху в 8 в. до н.э. Во втором колодце находится фрагмент одного из фортификационных сооружений эпохи хасмонеев (2 в. до н.э.).

Пройдем немного вперед, и слева, за барьером, уже не в колодце, а чуть ниже уровня пола, огромная каменная глыба той же хасмонейской эпохи. Одни называют ее цистерной, другие считают, что это вершина крепостной стены, третьи - оборонительное укрепление. Словом, объяснения разные, но важно, что все это древнее, построенное иудеями. Если спуститься вниз по узкой винтовой лестнице, можно попасть под эти улицы, т.е. очутиться в 8 и 2 вв. до н.э. Очень интересно, но без экскурсовода-археолога не стоит!

Такова в общих чертах история поднятой из глубин веков улицы Кардо, со строительством которой погибла последняя надежда евреев на политическую и религиозную независимость... И вот теперь мы любуемся камнями того города, против создания которого сложили свои головы Бар-Кохба и его сподвижники-иудеи, наши предки. Что это? Парадоксы истории? Насмешка или ирония судьбы? Абсурд? Кафкианство? А может, свидетельство победы еврейского духа? И место, где мы сегодня находимся, свято теми молитвами об Иерусалиме, которые произносили иудеи на всем протяжении своего двухтысячелетнего изгнания? Скорее - все вместе взятое.

Синагога Хурват раби Йехуда хе-Хасид

Тот, кто бывал в Иерусалиме, наверняка запомнил высокую белую арку, возвышающуюся над зданием синагоги, или над тем, что от нее осталось. Когда-то это была ашкеназийская синагога раби Йехуды хе-Хасида. У синагоги и другое название - Бет Яков (дом Якова), но прижилось - Хурва (развалина). И не случайно. Можно сказать, с самого своего основания она то и дело разрушалась: то естественным путем, то людьми. И в наше время, вот уже 47 лет, лежит в развалинах - почти без стен, без окон и крыши. И удивительное дело, живет! Очистили от мусора, битых стекол, камней, привели в порядок нишу, где находится арон кодеш, обращенный к Храмовой горе, до которой здесь рукой подать, починили стоявший посередине каменный помост, откуда читали Тору и вели проповеди, восстановили лестницы и на полуразрушенных стенах развесили фотоснимки и рисунки бывшей синагоги, снабдив их текстами на иврите и на английском, - и все оживило: и синагога и память о ней. Теперь каждый, кто поднимается сюда, может убедиться, какая она была красивая и величественная. И каждый может прочесть горестную историю ее не такой уж долгой и не такой уж счастливой жизни...

Впервые участок земли, который занимает теперь Хурва, был застроен евреями в 13 в., и связан он с именем знаменитого Рамбана (Моше бен Нахман, Нахманид). Выдающийся средневековый философ, талмудист, каббалист, поэт и врач родился в Каталонии. Перед самой своей смертью в 1267 г. он приехал в Иерусалим и написал сыну, что город находится в бедственном состоянии, что он встретил всего двух евреев, занимающихся красильным делом, и что здесь, в Иерусалиме, он основал синагогу, которую впоследствии назвали его именем. Затем Рамбан уехал в Акко и там умер. Проходили века... Во времена мамлюков пол синагоги Рамбан углубили на несколько метров, т.к. синагога не должна была возвышаться над домами мусульман. Так до сих пор она и расположена внизу, ниже уровня улицы. Конечно, синагога много раз разрушалась, перестраивалась, но ее история протекала спокойно, чего нельзя сказать о синагоге, возведенной на соседнем участке. В 1400 г. в Иерусалиме поселилась небольшая ашкеназийская община и купила участок земли рядом с синагогой Рамбана. Подворье просуществовало примерно двести лет, и в 1620 г., уже при турках, на этой земле построили ашкеназийскую синагогу. В 1700 г. в Иерусалим вместе со своими учениками приехали два видных ашкеназийских каббалиста, последователи мессианского мистического движения Саббатая бен Цви - Йехуда Хасид ха-Леви и раби Хаим Малах. С ними хлынула волна эмигрантов - евреев-ашкеназов, полных решимости жить на Святой земле и ждать прихода Мессии. На средства, вырученные от пожертвований и взятые в долг у арабов, они жили и содержали общину, собираясь то ли построить новую взамен старой, то ли просто ее расширить. Но разразилась эпидемия, и Йехуда Хасид умер, не прожив и недели в Иерусалиме. Раби Малах отправился в Европу собирать деньги, и община осталась без руководства и средств. И все же в 1706 г. синагога была отстроена, назвали ее Йехуда хе-Хасид. Она простояла лет пятнадцать, пока арабы не забили тревогу: евреи не отдают долги - учинили погром, изгнали ашкеназов из ашкеназийского подворья и разрушили синагогу. Это произошло в 1721 г. Говорят, что, завидя на улице ашкеназа, арабы кричали ему вслед: "Отдай долг!", "Верни деньги!". Может, в ход пускались кулаки и камни - кто теперь знает! Но известно, что сефардские евреи - а к ним арабы относились благосклоннее, чем к ашкеназам, - одалживали единоверцам свои одежды и тем самым спасали их от преследователей-кредиторов. Конечно, не все выдерживали. Одни отправлялись в Цфат, другие в Европу, а были и такие, кто подавался в ислам или в христианство. А что стало с синагогой? В течение *ста* лет она лежала в развалинах, ашкеназийское подворье - в руинах. Отсюда и название - Хурва - развалины. Шло время. В 19 столетии, используя слабость Оттоманской империи, Мухаммад Али из Египта распространил свою власть на Эрец-Исраэль, провел ряд реформ, отменил запрет на строительство синагог, который, впрочем, часто нарушался, и создал довольно сносные условия для существования евреев империи, чем вызвал приток иммигрантов в Эрец-Исраэль. К этому либеральному правителю отправился в Египет в 1836 г. раби Авраам Шломо Цореф - руководитель ашкеназийской общины и привез "фирман" (разрешение) Мухаммада Али, в котором приказывалось вернуть евреям-ашкеназам земельный участок, отчужденный ранее арабами. Закон есть закон, и через

год там построили небольшую синагогу Шаарей Цион - ворота Циона. Но большая площадь оставалась незастроенной, и евреи решили действовать энергичнее, чем прежде: попросили содействия консула в Истамбуле, и в 1855 г. турецкий султан выдал "фирман" на постройку в Иерусалиме еще одной синагоги. Моше Монтефиоре сам поехал за документом в столицу Оттоманской империи и в этом же году привез его в страну. Постройка синагоги продолжалась семь лет. По всему миру собирали деньги на ее строительство. Самые крупные средства пожертвовала семья Хизкиеля бен Менаше из Багдада. Немалые суммы вложил и барон Альфонс де Ротшильд. Он участвовал в закладке первого камня и просил назвать синагогу в честь своего отца Яакова Ротшильда - Бет Яаков (дом Якова).

Итак, дело сдвинулось с мертвой точки. Пригласили оказавшегося в это время в Иерусалиме турецкого архитектора Асада Эфенди, принимавшего участие в реставрации "Купола над скалой", и по его проектам начали строить. 28 сентября 1864 г. синагога Бет Яаков была освещена. Она представляла собой османскую монументальную постройку с четырьмя арочными сводами, двенадцатью окнами, как и положено в ортодоксальных синагогах, и круглым куполом на высоте 25 метров.

Так была воздвигнута самая высокая и красивая синагога, первая в Иерусалиме синагога, возвышавшаяся над арабскими домами. Рассказывают, что в первые годы британского мандата в субботу сюда пришел молиться британский верховный комиссар Палестины еврей Герберт (Менахем) Самуэл. Он был настолько растроган синагогальной службой, что прослезился. Впрочем, это не помогло ему занимать проарабскую позицию. Очевидно, как и многие другие галутные евреи, он ощущал себя прежде всего подданным своей страны и лишь потом евреем.

84 года простояла эта величественная синагога с белым куполом на фоне синего неба - такого, какое бывает только в Иерусалиме, а евреи по-прежнему называли ее печальным словом "хурва" - разрушенная, словно предчувствуя ее судьбу, ее конец.

В 1948 г., когда наши войска оставили Иерусалим, в день, когда было подписано соглашение о прекращении огня, иорданцы взорвали синагогу Хурва и ту, что рядом с ней, - Рамбан. 19 лет синагога Бет Яаков, или Хурват Иехуда хе-Хасид, лежала в развалинах, как бы оправдывая свое первоначальное название. Хамсины, песчаные бури, дожди и ветры разрушали постепенно то, что уже было разрушено.

После Шестидневной войны израильтяне принялись восстанавливать Еврейский квартал Старого города. Восстановили синагогу Рамбан. Встал вопрос и о Хурве. Объявили конкурс на лучший проект синагоги. Как обычно, начались споры о том, какой она должна быть: копией старой или совершенно новой, современной. А пока суть да дело, соорудили арку из камней, что валялись вокруг в избытке. Потом решили не восстанавливать синагогу. Вместо нее - белая дуга, прочерчивающая святые небеса, под которыми когда-то стояла синагога, родившаяся и умиравшая в муках.

Караимская улица

Удивительна Караимская улица, скорее похожая на проулок или даже тупичок, чем на то, что мы обычно понимаем под этим словом. Узкая - ни проехать ни пройти. Застывшая в тишине и не знающая покоя, сохранившая следы прошлых эпох и печать современности - такова эта улица.

Не устаю поражаться обилию на одном пяточке таких значительных объектов: подземный археологический музей, погруженный на уровень 1 в. до н.э., иродианский Иерусалим, синагога, опущенная в глубь земли метра на три руины синагоги Тиферет Израэль, современное монументальное здание иешивы. И все это на маленьком клочке земли, именуемом Караимским по караимской общине.

Тиферет Израэль

Всего лишь в нескольких десятках метров от начала улочки - полуразрушенное здание с красивым трехарочным фасадом, залитым сверху каким-то затвердевшим раствором, превратившимся в серую, похожую на лаву массу. На фасаде написано: "Это здание бывшей хасидской синагоги Тиферет Израэль (слава Израилю - П.К.) и построил ее в 1872 году рав Нисим Бак. Взорвана иорданцами в 1948

году"

Чудом сохранился фасад, украшенный фресками, напоминающими росписи древних синагог. Через арку вход внутрь, а там - четырехугольная яма, вдоль которой протянут каменный помост с лестницей, ведущей вниз. Под ним - миква, вернее - то, что от нее осталось. И на полуразрушенной стене, тоже залитой раствором, снимки красавицы-синагоги, снабженные пояснениями на двух языках - иврите и английском. На табличке значится, что это была ашкеназийская синагога, названная в честь знаменитого хасидского цаддика рабби Исраэля Фридмана из Ружина, давшего средства на постройку синагоги.

Автор проекта и руководитель работ - иерусалимский рав Нисим Бак, консультант - архитектор Асад Эфенди, тот самый, который оказывал помощь при возведении синагоги Хурва. Строилась синагога медленно, в общей сложности десять лет (1862 - 1872 гг.).

Рассказывают, что когда австрийский император Франц-Иосиф посетил Иерусалим, синагога стояла без крыши. На вопрос, почему ее нет, нерастерявшийся рав Нисим Бак ответил: "В знак почета к столь высокому гостю". Говорят, император понял намек и приказал выписать чек на 1 тыс. франков - по тому времени сумма немалая.

Что представляла собой синагога? Кубической формы четырехэтажное здание с плоским куполом на высоте 20 метров. Интерьер синагоги выполнен в стиле общественных и культовых зданий того времени, а внешнее оформление носило следы влияния древних синагог.

Покидаю развалины Тиферет Исраэль. Еще раз взглядываюсь в фотоснимки, запечатлевшие синагогу целой и невредимой снова разглядываю ее лицо-фасад, и меня охватывает странное ощущение, которое бывает разве что во сне: будто рассматриваю фото близкого человека, любуюсь чертами его лица, собираюсь ему что-то рассказать и о чем-то спросить, но вдруг спохватываюсь: "Господи! О чем это я? Ведь его давно нет в живых!"

В самом деле, я и наяву не могу отделаться от вопроса, который хочется задать - не знаю, кому, разве что небесам! Что скрывается под этим названием, кроме имени рабби Исраэля из Ружина? Тиферет Исраэль... Слава Израилю! Какому Израилю слава? Поверженному, как эта синагога, лежащая в руинах? Что это? Насмешка судьбы? Ирония? Символ? А может, твердая вера, выстраданная тысячелетней историей - несмотря ни на что, народ живет и существует, и в этом его величие и слава? Должно быть, так. Во всяком случае, это утверждение мне больше по душе.

Караимская синагога

Синагога стоит напротив Тиферет Исраэль. Но туда не так-то просто войти. Между каменным забором и высоким зданием железная калитка, через которую просматривается узкая асфальтированная тропинка, ведущая куда-то вверх - вероятно, к входу в дом. В стене, около калитки, звонок, на который обычно никто не откликается. Но однажды мне повезло. На звонок вышла средних лет женщина с непокрытой головой и, узнав, что мне надо, согласилась показать синагогу. Вход для посторонних напротив археологического музея. И вот мы в синагоге, вернее в прихожей, а синагога внизу, за закрытой дверью. На стенах портреты видных караимских деятелей в рамках, под стеклом, цитаты из Библии, на полках книги. В углу, около синагогальной двери, маленькая копилка.

Но прежде чем Мирьям - так звали эту женщину - расскажет об особенностях караимской общины, я позволю себе несколько пояснений.

Буквально "караим" - читающий, бней микра, баалей микра - люди Писания. Караимы - это члены иудейской секты, возникшей в 8 в. н.э. в Багдаде, признающие только Письменную Тору как единственное руководство в повседневной жизни. Несмотря на отрицание и неприятие Талмуда, караимы на протяжении всей своей истории считали себя особой общиной в рамках иудаизма. Исключение составляли лишь крымско-литовские караимы в России и австрийские в Австрии.

История возникновения этой секты скорее похожа на сказку, чем на быль.

В 8 в. н.э. еврейскую общину Вавилонии возглавляла раввинистическая династия Бустанай. Но Рош ха-гола (глава галута) умер. Наследников у него не было, а так как должность Рош ха-гола

наследуется, встал вопрос о том, кого назначить, как теперь говорят, на вакантное место. Претендентов оказалось двое: братья Анан бен Давид и Хананья. Анан бен Давид был старшим и, по правилам, имел все шансы на избрание Хананья, младший, обладал лишь одним преимуществом - благочестивостью. Совет общины выбрал Хананью. Естественно, старший возмутился, у него появились сторонники, и назревал конфликт. Но набожный Хананья решил избежать столкновений и донес на своего старшего брата. Анан бен Давид посадили в тюрьму. Там он познакомился с ученым-мусульманином, основателем одного из направлений ислама - шиизма, суть которого, в частности, сводилась к признанию только Корана, а не устной традиции ислама. Он-то и посоветовал Анан бен Давиду основать подобное направление в иудаизме, признающее только Танах, а не Талмуд. Анан бен Давиду эта идея понравилась, он сообщил властям о своем намерении создать новую секту и был выпущен на свободу, более того - назначен на пост нового главы еврейской общины Багдада. Правдивость этой истории сомнительна, хотя факт ее появления в результате политической борьбы в еврейской общине Багдада несомненен. Учение Анана нашло своих сторонников и впоследствии привело к изменению еврейского образа жизни новой секты караимов, т.е. секты, признающей только Письменное Учение. Со смертью Анан бен Давид в конце 8 века караимская секта не исчезла, а разрослась, пустив корни в Египте, в Восточной Европе и в Эрец-Исраэль. С 9 в. в Иерусалиме существовала большая караимская община, но в 1099 г. крестоносцы, ворвавшись в Иерусалим, принялись истреблять евреев, не делая различия между сектами. Несколько веков караимы жили в Испании, Египте и Восточной Европе. В Иерусалиме в 17 в. проживало всего 17 караимов, а к середине 18 в. - ни одного.

И еще один факт, интересный для выходцев из России. С 19 в., когда караимов официально признали особой конфессией, антисемитские законы на них не распространялись. Немцы, вторгшиеся в СССР, караимов не убивали, однако сомнения в их подлинной национальной принадлежности оставались. Поэтому в самый разгар войны нацисты обратились к трем еврейским ученым с вопросом, считают ли они караимов этническими евреями. Ученые преднамеренно пошли на ложь, заявив о нееврейском происхождении караимов, и спасли жизнь тысячам единоверцам...

Караимы в Иерусалиме с 1948 года, года основания Государства Израиль. Об их образе жизни мы узнали из разговора с Мирьям.

- Во что вы верите?
- Мы верим только в Священное Писание и выполняем все, что оно предписывает.
- Что, например?
- Ну, например, накануне субботы и в субботу мы не зажигаем огня и поэтому едим неразогретую пищу.
- Почему?
- Потому что сказано в Торе: "Не зажигайте огня во всех селениях ваших в день субботний".
- Еврейские праздники вы соблюдаете?
- Соблюдаем, но не все. Только те, о которых говорится в Торе. Скажем, Хануку мы не признаем, потому что она не упоминается в Торе. Пурим соблюдаем, но пост Эстер - нет. Пасхальная маца у нас изготавливается не из пшеницы, как у вас, а из ячменя. Мы молимся не три раза в день, а два и лишь по праздникам и субботам - три раза.
- Вы соблюдаете кашрут?
- Да, но не так, как вы. Мы, например, можем одновременно употреблять мясо и молоко, т.е. едим так, как у вас запрещено.
- Ваши мужья и дети служат в армии?
- Конечно, мы ведь граждане Израиля. Мой сын сейчас в армии. Тяжело. Я не имею в виду саму службу - так должно быть. Ничего не поделаешь. Но в армии сложно соблюдать наши законы, и не все командиры это понимают. Но, слава Б-гу, все будет в порядке - "ихье беседер".
- Ваши мужчины носят кипу, а женщины покрывают головы?
- Нет, вы же видите: я без берета, а мужчины без кип, потому что в Торе об этом ничего не сказано. Мы ничего не выдумываем. Что написано, то выполняем. Наш Анан бен Давид кипу не носил.
- Можно войти в синагогу?
- Нет, нельзя.
- Почему?
- Не хочу объяснять причину. Я сейчас открою двери, и вы посмотрите на нее отсюда.

Она открыла дверь, и мы увидели приставленную к ней лестницу и внизу вытянутое в длину помещение, устланное ковром. Арон ха-кодеш в глубине зала был повернут в сторону Храмовой горы.

- Почему синагога в подвале?
- Сказано в Писании: "Из глубин я звал тебя, Господи!" Поэтому наши синагоги внизу, ближе к земле.
- Где молятся женщины?
- Здесь же, в синагоге, только они стоят за мужчинами. Ведь когда Моше рабейну принес Скрижали Завета, женщины стояли позади мужчин. Вот и мы так. И еще обратите внимание: сюда заходят без обуви, босиком. Так ходили наши предки.
- Где еще в Израиле есть ваши общины?
- В Рамле, Бат-Яме, Холоне, Беер-Шеве. Сейчас там находится мой муж. Эта община самая большая. Есть еще вопросы?

Мы опустили деньги в копилку, поблагодарили гостеприимную Мирьям и ушли.

Вопросы появились потом, и я опять стояла у заветной калитки, но на этот раз мне не открыли.

"Не звоните - все равно не откроют! Посмотрите лучше нашу иешиву, она рядом", - сказал подошедший ко мне мужчина в вязаной кипе.

Я обрадовалась, так как давно хотела побывать в иешиват ха-Котел и, хотя там не висела привычная для выходцев из Союза табличка "Посторонним вход запрещен", все равно боялась войти без разрешения. Оказывается, можно - стоит лишь позвонить по интеркому.

Поняв по произношению, откуда я, мужчина улыбнулся: "У нас работает один хороший человек, он тоже из ваших, из России. Сейчас я его вызову, и он вам все покажет. А то караимы! Нечего вам делать у них!"

Так я познакомилась с верующим человеком из известной у нас в Израиле семьи Люксембургов, Яаковом.

Яаков показал мне иешиву, сказал, что она построена частично на средства американских евреев Вулла, Зильберштейна и Тиненбойма, готовит преподавателей религиозных школ всех уровней, в том числе и иешивот ха-хэсдер (военных иешив), располагает прекрасной библиотекой, читальными залами, столовой, общежитием, синагогой. Мы поднялись на лифте на обзорные площадки - их несколько, там ставят сукку, отдыхают в жаркую погоду, может, и спят - места много. Отсюда, с обзорной площадки, открывается вид на Масличную гору и на то место, где стояли Первый и Второй храмы, а теперь блестит на солнце "Купол над скалой"... Было такое ощущение, словно я нахожусь на палубе корабля, стоящего на причале в самой пестрой, самой красивой, самой проблематичной и непредсказуемой гавани мира...

Далее



Ваша оценка этой темы

1 2 3 4 5

Голосовать



Перед Вами электронная версия книги «МОЙ ИЕРУСАЛИМ», Полина Кляйнер.

Сефардские синагоги

Стоит мне заговорить о четырех сефардских синагогах Старого города, как в памяти возникают мальчуганы в кипах и пейсах, несущиеся во время школьной перемены вниз и вверх по деревянной лестнице, неприметной для постороннего. Они-то и показали мне вход в синагогу, расположенную внизу, рядом с их школой. Поэтому если вы войдете в Еврейский квартал со стороны Сионских ворот, пересечете автомобильную стоянку и окажетесь на квадратной площадке, где дети играют в футбол, кричат и ведут свои ребячьи разборки, знайте, что вы на верном пути: спускайтесь вниз, и в левом углу четырехэтажного здания вход в комплекс сефардских синагог, объединенных общим названием "Иоханан бен Заккай".

Их история начинается с 16 в., с того периода, когда Палестина оказалась под властью Оттоманской империи. В то время еще продолжали действовать частично ослабленные мамлюкские законы, запрещавшие евреям возводить синагоги, которые были бы выше мусульманских строений. Поэтому при строительстве синагог полы углубляли на три-четыре метра, и таким образом еврейские молельные дома были ниже уровня прилегающей улицы, что мы и видим на примере этой синагоги. Их внешнему облику старались придавать скромный, неприметный вид, справедливо полагая, что богатый интерьер вполне компенсирует непритязательный фасад.

Традиция относит синагогу Иоханана бен Заккая ко времени Второго храма, когда на руинах одной из древнейших синагог Иерусалима Кахал Цион был построен Бет микдаш - Дом учения, в котором учил еврейскому закону раби Иоханан бен Заккай. После изгнания евреев из Иерусалима, в 70 г. н.э., примерно через полторы тысячи лет, на этом месте построили сефардскую синагогу, которую еще через два столетия пришлось реставрировать, заменив ее круглый деревянный купол квадратным каменным, укрепив готические арки таким образом, чтобы, сходясь, они не образовывали креста. Были приведены в порядок и сводчатые окна. Конечно, не обошлось без влияния мусульманской и европейской архитектуры, потому что строились и реставрировались синагоги, вероятно, мусульманскими и христианскими мастерами. Весь этот комплекс включал четыре синагоги: Иоханан бен Заккай, Элияху ха-Нави (Илия), Истамбули (Истамбульскую) и Эмцаи (Среднюю), самую позднюю, построенную в конце 19 в.

Итак, первая синагога, в которую мы попадаем с улицы, - Иоханан бен Заккай. Раби Иоханан бен Заккай - мудрец и ученый раввин, живший в период разрушения Второго храма, сохранивший и развивший иудаизм благодаря созданию иешивы, ставшей приемницей иерусалимского Синедриона. Он был учеником Хиллеля и Шамая*, однако говорил, что "от мудрости своих учителей он усвоил не более той капли из океана, которую уносит муха, окунувшись в него". Войну иудеев против римлян (66 - 70 гг. н.э.) он считал бессмысленной, к политике экстремистского крыла восставших, zelотов, относился крайне отрицательно, полагая, что она может привести к непоправимой трагедии и всякое сопротивление римлянам бесполезно и поэтому обречено. О раби известно также, что он был весьма набожным человеком, "целыми днями сидевшим в тени Храма". Когда римляне подошли к Иерусалиму и, не сумев овладеть им, окружили его, Иоханану бен Заккаю стало ясно, что город и Храм будут разрушены, ведь Иерусалим погибал не столько от голода и эпидемий, сколько от бесконечных распри, неумолимой ненависти евреев друг к другу, вражды, злобы, нетерпимости и всеобщей подозрительности. Zelоты, понимая, что часть жителей Иерусалима готова капитулировать, под страхом смерти запретили покидать стены города. Даже вывоз трупов был сопряжен с большими трудностями, и все же Иоханану бен Заккаю удалось выбраться из погибающего города. О том, как это произошло, существует много легенд. Вот одна из них. Иоханан бен Заккай попросил своего племянника Абу Сикру, одного из руководителей небольшого отряда восставших, посоветовать ему, как покинуть город. Абу Сикра считал, что дяде следует притвориться больным, внести в дом дурно пахнущее снадобье и затем сказать ученикам, чтобы они распространяли весть о его, раби Иоханане бен Заккае, болезни и смерти. Ученики так и сделали. Посыпали головы пеплом, разодрали свои одежды, положили раби на носилки и с плачем понесли к воротам города.

- Что это? - спросила еврейская стража.

- Наш учитель. Он умер от заразной болезни. Чувствуете, какой запах?

Действительно, вокруг носилок стоял невообразимый смрад. Но все-таки стража решила проткнуть тело штыком. Тогда ученики взмолились:

- Не делайте этого! Не оскверняйте тело великого раби на глазах у римлян.

Словом, защитники города пропустили странную процессию и открыли ворота. Ученики понесли носилки на кладбище, где Иоханан бен Заккай поднялся и попросил привести его к самому Веспасиану. Тот выслушал седобородого старика, предсказавшего, что скоро он, Веспасиан, станет римским императором. Если предсказание сбудется, бен Заккай просит лишь об одном: разрешить построить школу в Явно, где он со своими учениками будет изучать еврейские законы. Предсказание сбылось, и в Явно была открыта школа, ставшая духовным центром иудаизма. Хотя Иоханан бен Заккай предвидел падение Иерусалима и Храма, он был потрясен случившимся. Причину трагедии еврейского народа он видел в отступничестве от заветов Б-га. Однако историки усматривают причину не столько в этом, сколько в отсутствии единства еврейского народа, расколотого взаимной враждой и нетерпимостью друг к другу... Но это уже другая тема. Спустя десять лет после катастрофы, в 80 г. н.э., Иоханан бен Заккай умер в Явно. Легенда рассказывает, что он, как и раби Акива и Ги-лель, прожил на свете 120 лет, из которых 40 лет занимался торговлей, 40 лет учился и оставшиеся 40 лет учил других... Таково предание о человеке, именем которого спустя полторы тысячи лет названа эта синагога.

Что представляет собой синагога Иоханана бен Заккая? Просторное помещение с высокими сводчатыми потолками и двенадцатью - по числу колен израильтяев - большими закругленными кверху окнами. У восточной, самой главной стены, арон ха-кодеш. Он, согласно Галахе, обращен в сторону Храмовой горы, ибо сказано: "Находясь за пределами Эрец-Исраэль, обрати сердце свое (в молитве) к Израилю... Находясь в Эрец-Исраэль, обрати сердце свое к Иерусалиму... Находясь в Иерусалиме, обрати сердце свое к Храму".

Арон ха-кодеш представляет собой два трехстворчатых шкафа, привезенных уже в наше время из Ливорно, а выполненных в 17 в. Свитки Торы, хранящиеся в арон ха-кодеш, сделаны из пергамента, на котором изложен текст Пятикнижия. Во время специальной синагогальной литургии они вынимаются из Ковчега. Над Ковчегом Завета в некоторых синагогах, в частности в этой, модель Скрижалей Завета. На каждой из них первые две буквы каждой из десяти заповедей. Параллельно со Скрижалями Завета над арон ха-кодеш - постоянно горящая лампа - *нер тамид* - вечная свеча, ибо сказано: "Огнями почитите Б-га". Посередине синагоги высокий помост (бима). Напротив арон ха-кодеш, вверху в глубине зала, балкон. Это женское отделение. Здесь оно не закрыто занавесью, как в некоторых более ортодоксальных синагогах, так что женщины могут наблюдать за всем, что происходит внизу и, конечно, молиться. Кто же молился в этой- синагоге? Евреи-сефарды. Здесь с 19 в. избирается главный сефардский раввин Израиля. Это связано с историей, восходящей к 18 в., когда сефардская община была более многочисленной, чем ашкеназийская. В 1840 г. турецкий султан выпустил указ, предоставлявший евреям такой же статус, как и другим турецким подданным. Поэтому евреям было дано право выбирать главного раввина всей Палестины. Выбор пал на сефардских евреев, так как турецкие власти признавали только сефардскую общину. Состоялись выборы главного раввина, или хахам-раши, который носил титул *ришон ле Цион* - главный в Сионе. С тех пор и до наших дней главный сефардский раввин избирается здесь, в этой синагоге.

Из синагоги Иоханана бен Заккая две двери ведут во внутренние помещения, занимаемые тремя синагогами. Войдем в одну из них, синагогу Элия-ху ха-Нави, или Илии (в русской традиции, Илья-Пророк). По размерам эта синагога меньше первой, и ее убранство скромнее. Здесь интересен арон ха-кодеш, сделанный в 17 в. ливорнскими мастерами. Из черного (или выкрашенного в черный цвет) дерева, с затейливой резьбой, он наглухо закрыт и, хотя повернут в сторону Храмовой горы, кажется, смотрит в противоположный угол, где семью ступеньками ниже пола, в проеме боковой стены, под белой аркой стоит кресло Элияху. Мне кажется, что разноцветные кружки витражей потолков и окон напоминают о нелегком пути евреев во все годы изгнания.

Кто такой Элияху? Это пророк, живший в 9 в. до н.э. при правление израильского царя Ахава. О пророке сохранилось множество библейских и фольклорных легенд и сказаний, рисующих его

неизменно справедливым и независимым, защитником бедных и обличителем царей. В народном представлении это аскет, одетый во власяницу, с длинными волосами и посохом в руке. Его зовут Божьим человеком за то, что он творит чудеса: умножает пищу и воскрешает умерших. (Спустя 800 лет эти чудеса будут приписаны исключительно Иешу, Иисусу.) В пасхальный седер он появляется в доме каждого еврея и поэтому на праздничном столе для него ставится бокал (кос Элияху) перед обрезанием мальчиков кладут на специальное кресло (кисе Элияху). К числу чудес относится и вознесение его на небо в огненной колеснице. Считается поэтому, что он не умер, а приобрел бессмертие и когда придет время, явится Израилю как предвестник прихода Мессии. Библейский пророк Малахи полагал, что именно Элияху ха-Нави совершит последнее чудо перед приходом Машиаха: "Он обратит сердца отцов к детям и детей к отцам их". Писание повествует о его неустанной борьбе с язычниками и теми, кто насаждает язычество, и в этом смысле интересна как его бескомпромиссная борьба с женой царя Ахава, Иезвиль, так и его борьба со жрецами Ваала, изображенная как состязание не на жизнь, а на смерть. Рассказывается, что во время продолжительной засухи он бросил вызов 450 жрецам Валаала, которые должны были зарезать быка, положить его на жертвенник и воззвать к своему богу, чтобы тот принял жертву, т.е. дал огонь. Но их жертва не была принята, и тогда Элияху положил на жертвенник быка, воззвал к Б-гу, который принял жертву. И сказал тогда Элияху: "Ха шем ху ха Элоким" - Господь он Б-г. Эти слова звучат в конце молитвы на Йом Кипур. Писание, говоря о скитаниях пророка по пустыне, совсем по-человечески передает его разочарование в народе. Когда он, уставший и одинокий, позволил себе расслабиться и усомниться в существовании единоверцев, еще верящих в единого Б-га: "Оставили завет Твой, сыны Израиля... и я остался один" /Млахим 1,19:14/. Но Б-г не согласился с ним, не принял его жалобы и дал ему новые поручения: "Отныне ты будешь присутствовать всюду, где евреи будут заключать со мной союз и убедишься, что не оставили они союз Мой". С тех пор и до сегодняшнего дня нет ни одного обрезания, на котором *бы* незримо не присутствовал пророк Элияху. "Так возник обычай ставить особое кресло для Элияху-пророка, на которое перед самым обрезанием кладут ребенка", - пишет главный ашкеназийский раввин Израиля Исраэль-Мейер Лау.

Пророк Элияху в еврейской традиции всегда с народом - и на Святой земле и в галуте. С вознесением на небо он не прекратил своей связи с евреями и является перед ними в разных обликах, тогда, когда они особенно в нем нуждаются. Так, по преданию, он внезапно, причем в самый критический момент, появился в одной из синагог Иерусалима и Хеврона в Йом Кипур, когда в обеих синагогах не хватало на миньян одного человека. С тех пор синагога, в которой мы с вами находимся, а также та, что в Хевроне, первой столицы Объединенного Иудейского царства, названы его именем - Илияху ха-Нави. Согласно преданию, здесь, в Иерусалиме, он внезапно появился в 16 в., когда была построена эта синагога, и восседал на том самом кресле, которое стоит теперь семью ступеньками ниже пола.

Вот какой этот пророк, Элияху, именем которого названа синагога. Говорят, что она самая старая из четырех. После Шестидневной войны, когда синагога восстанавливалась, ее двенадцать окон украсили разноцветными кружками - золотыми, зелеными, желтыми, голубыми и красными, символизирующими наиболее распространенные цвета камней в облачении Первосвященника.

Из синагоги Элияху ха-Нави дверь ведет в синагогу Истамбули (Истамбульскую). Она была построена в середине 16 в. турецкими евреями, приехавшими в Иерусалим. Они вложили немало средств в ее строительство и постоянно поддерживали ее. Кроме турецких евреев здесь молились выходцы из восточных стран, в основном ремесленники, владельцы небольших лавок, жители соседних улиц - словом, синагога была более демократичной, чем синагоги Иоханана бен Заккая и Элияху ха-Нави. Арон ха-кодеш здесь тоже из Италии, из Анконы, и его изготовление датируется 17 веком, а бима из Пизарро - 18 веком.

Будь я набожной, я непременно бы молилась в Средней синагоге (Эмцаи). Она, как я уже говорила, самая молодая из трех. Раньше на ее месте был просто дворик, где протекал небольшой ручей, и в Рош ха Шана здесь появлялись евреи в белых одеяниях и "сбрасывали" в воду свои грехи, ибо сказано у пророка Михи: "Ты свергнешь в глубины волн все грехи наши" (Миха 7:19). Шли годы, а может, и десятилетия, ручей высох, молящихся становилось все больше и больше, и это пустое пространство решили превратить в помещение, а помещение - в синагогу. Ее отстроили, и она преобразилась: яркий свет, льющийся из двенадцати окон, цитаты из Библии, высеченные на стенах, небольшой арон кодеш и бима в центре зала придают ей праздничный и нарядный вид. И вся она какая-то чистая, юная, вызывает удивительно теплые чувства и желание посидеть в ней подольше и осмыслить слова пророка Иешаяху, вышитые золотом на красной бархатной занавеси, закрывающей арон ха-кодеш: "От Сиона выйдет закон и слово Господне из Иерусалима". Вот они, эти синагоги, такие разные и такие похожие.

В 1948 г. евреям пришлось сдать Иерусалим, и в течение девятнадцати лет эти синагоги были превращены арабами в городскую свалку, конюшню и склады. И вот теперь, когда в 1972 г. они были восстановлены, на несколько ступенек ниже пола, в Средней синагоге, открыли небольшой музей, где развернули интересную экспозицию, связанную с комплексом сефардских синагог: с их прошлым - до варварского разгрома и после него, когда евреи вынуждены были оставить Старый город. Выломанные окна и двери, обломки каменных карнизов, искореженная утварь, разорванные сидуры - словом, уничтожено все, что можно было уничтожить. Устроители музея ненавязчиво, без излишних комментариев выставили на обозрение фотоснимки, запечатлевшие бесчинства и надругательства над еврейскими святынями. Однако на специальном стенде размещено и то, что осталось нетронутым. В объектив фотокамеры попали совершенно целые Армянский, Христианский и Арабский кварталы, в то время как еврейский в 1948 и в 1967 годах подвергся методическому уничтожению. Отвоєванный Иерусалим представлял собой в 1967 году страшное зрелище, но, говорят, глаза боятся, а руки делают. Еврейский квартал восстановили, а точнее, отстроили заново вместе с домами и синагогами. Они стали еще красивее, чем прежде.

Покидаю сефардские синагоги с чувством гордости и почтения к людям, не давшим им погибнуть. И опять попадаю в ребячий гомон и шум. Должно быть, перемена. Мимо меня по деревянной лестнице шастают с гиком мальчишки. А я смотрю на них и думаю, что, наверное, не все из них станут раввинами, но в этом напряженном и таком непредсказуемом мире почти все они сохранят иудейскую веру и традиции и передадут их своим детям и внукам.

**Крупнейшие законоучители, жившие на рубеже старой и новой эры и внесшие большой вклад в иудаизм.*

Храмовая гора

Возможно, ни одна гора в Иерусалиме не окутана таким количеством легенд, как эта. Иудейские, христианские и мусульманские - их с лихвой хватило бы на десятки других мест. Но здесь, как нигде более, причудливые мифы и сказки воспринимаются как реальные факты, а сами факты - как придуманные истории, в которые трудно поверить, хотя они действительно не выдуманы. Золотой мусульманский купол на Храмовой горе вызывает горестные воспоминания о Первом и Втором храмах, стоявших когда-то на этой горе, называемой также Мория, расширенной и капитально перестроенной пусть ненавистным, но все-таки иудейским царем Иродом. И всякий раз, готовясь к экскурсии, проигрываю свои ответы на всевозможные и невозможные вопросы, которые могут задать экскурсанты и на которые я, скорее всего, не смогу ответить. В самом деле, когда будет построен Третий храм и будет ли вообще он построен? Не знаю. Впрочем, главный сефардский раввин Израиля Ниссим Ицхак в день окончания Шестидневной войны, сказал: "Храмовая гора в наших руках и не в наших. Мы имеем право лишь смотреть на нее, а не взойти. И не потому, что мы не можем это сделать, а потому, что мы сами остерегаемся сделать это. Мы сделали все, что может сделать человек. Теперь осталось то, что должен сделать сам Б-г. У нас есть предание, что Третий храм будет построен самим Б-гом".

Хочу верить этим словам уважаемого раввина. Ведь "всему свое время. Время разрушать и время строить", как сказано в Экклезиасте. Действительно, видимо, не пришло время.

А теперь о Храмовой горе, о горе Мория. Все здесь началось с царя Давида, который на закате своей жизни опять ослушался Б-га, и за это страну постигла эпидемия, унесшая около 70 тысяч жизней. И когда ангел Б-жий готов был простереть руку над Иерусалимом, чтобы погубить и этот город, Господь, остановив его, сказал: "Довольно!" И тогда пророк Гад велел Давиду воздвигнуть алтарь и принести жертву всесожжения. Это происходило на северо-востоке от города Давида, на горе Мория, на гумне, принадлежавшем евусею Аравене. Тот предлагал Давиду это гумно даром, но царь Давид, как когда-то праотец Авраам, купивший у хетиянина Махпелу в Хевроне, несмотря на выгодное предложение, отказался: "Не приму всесожжения Господу, взятых даром!" Он купил гумно и скот за 50 шекелей серебра, мор прекратился, и Давид принес всесожжения. Таким образом гора Мория стала царской собственностью. А затем на этой горе Мория сын Давида, Шломо, построил Храм. Почему именно здесь? Чем гора Мория знаменита или священна? На этот вопрос отвечает Рамбам. Крупнейший авторитет в области раввинистической литературы и Галахи, философ, ученый и врач (1138 -1204) писал: "Общепринята традиция, что Давид и Шломо построили алтарь (в разное время) на

том месте, на котором Авраам построил жертвенник и на нем связал своего сына, Ицхака. На том же месте построил Ноах (Ной) алтарь, когда вышел из ковчега, и там же стоял жертвенник, на котором приносили жертвы Каин и Авель, и там же принес жертву Адам, первый человек, и там же он был создан". Святость горы Мория связана и с нахождением на ней краеугольного камня мироздания. На этом камне был установлен Ковчег Завета, когда строился Храм. В одном из мидрашей говорится: "Ковчег Завета - посередине Святая Святых. А перед Ковчегом - краеугольный камень, на котором основан мир". Но что означает само слово "Мория"? Точного определения нет. По библейской этимологии, название это объясняется как "Господь указывает или усматривает (от глагола ле-хо-рот или ли-рот), т.е. указывает место, которое предназначено стать высшей святыней Израиля. Народная этимология дает свое толкование этому слову: "мора-я, т.е. страх пред Б-гом. Почему страх? Потому что здесь молился праотец Яков, сказавший с трепетом: "Как страшно это место!" /Быт. 28:17/. Чем был вызван этот страх? Видением строительства Храма и его разрушения. Правда, потом Якову привиделось и его восстановление, но, возможно, страх был сильнее чувства радости.

Итак, на этой священной горе, которую выбрал сам Господь, царь Шломо построил Храм. Почему не сам Давид? В Библии, в кн. Пророки, рассказывается, что Б-г предостерег Давида: "Не строй дома для имени Моего, ибо человек воинственный ты и кровь проливал ты". Итак, Храм должен был построить тот, кто не запятнал себя кровопролитием. Таким был сын Давида, Шломо. Постройка Храма на горе Мория, или Храмовой горе, продолжалась семь лет, а просуществовал он 410 лет. "Храм отличался необыкновенной красотой и великолепием... излучал сияние, подобное яркому пламени", - пишет Иосиф Флавий.

Иудеи приходили в Храм три раза в год: в Песах, Суккот и Шавуот. Храм был средоточием религиозной, культурной и политической жизни народа. Однако в 586 г.до н.э. он был разрушен Навуходоносором. Через семьдесят лет иудеи, вернувшиеся из вавилонского плена, построили Второй храм на том же месте, где стоял Первый. Правда, по красоте новый уступал ему, однако главное состояло в том, что с Храмом была восстановлена национальная жизнь народа. Через несколько столетий, а именно в 1 в. до н.э., царь Ирод заново отстроил Храм, превратив его в одно из прекраснейших сооружений своего времени. Он увеличил здание и удвоил его высоту. Расширил площадь Храмовой горы, и по форме она превратилась в трапециевидную платформу в 12 га, позволявшую присутствовать одновременно до 100 тыс. чел. Вокруг Храма Ирод построил подпорные стены из метровых тесаных камней. Западная часть стены сохранилась до наших дней и называется Западной стеной или Стеной плача. Подпорные стены со стороны Храма имели вид колоннад, а от южной колоннады шла лестница с широкими и узкими ступенями, сохранившимися до сих пор. Если посчастливится побывать на южных раскопках, вас непременно поведут к этой лестнице, и вы медленно, как когда-то иудеи, проществуете вверх.

Сохранилось описание Храма жителем Иерусалима из священнической семьи Маттатяху, Иосифом бен Маттатяху, ставшим впоследствии знаменитым историком Иосифом Флавием: "Храм блистал так ярко, отражая солнечные лучи, что никто не мог смотреть на него. А на расстоянии он выглядел как сверкающая снегами горная вершина... Все сооружения Храма были украшены белым мрамором и золотом, и даже шипы на крыше Храма, сделанные специально, чтобы голуби не садились на нее, были золотыми".

В 70 г. н.э. римляне разрушили Иерусалим и сожгли Храм, просуществовавший в общей сложности 420 лет. С тех пор евреи не пытались его отстраивать - у них больше не было своего государства, земля им уже не принадлежала. Теперь, спустя две тысячи лет, когда создано еврейское государство, ясно, что любая попытка разрушить религиозные сооружения, построенные на месте иудейских Храмов, вызовет исламскую войну (джихад) против Израиля. Поэтому считается, что Третий храм будет построен не раньше, чем придет Мессия.

О том, что произошло после разрушения Второго храма и изгнания евреев из Иерусалима, мы уже знаем. Знаем также, что в течение трехсот лет эта священная для евреев гора была превращена христианами-византийцами в гигантскую мусорную свалку.

После изгнания византийцев арабами в 7 в. начался новый виток истории. Завязался тот узел, который и теперь, спустя 13 веков, невозможно ни развязать, ни разрубить. Правда, предпринимаются попытки его несколько ослабить, но, по-моему, от этого он завязывается еще крепче и туже.

Итак, перед нами Храмовая гора, на которой стоит, поблескивая на солнце "Купол над скалой",

именуемый в народе мечеть Омара, а также "Золотой купол". На юге Храмовой горы, под темным куполом, высится мечеть ал-Акса. Как они тут оказались? Почему эти мусульманские сооружения построены именно здесь, на священном для евреев месте? Обратимся к истории.

В 638 г. византийцы без боя сдали арабам Иерусалим, и с середины 7 в. мусульмане приступили к строительству мечетей на Храмовой горе, а потом и во всех завоеванных городах. Следует заметить, что мечети в основном строились там, где раньше находились или находятся теперь святыни иудеев и христиан. Многие объясняют это признанием исламом духовного наследия иудейской и христианской религий. Итак, завоеватель Иерусалима халиф Омар ибн ал-Хаттаб приказал расчистить Храмовую гору и на ее юго-восточной стороне построить деревянную мечеть он также распорядился разрешить семидесяти еврейским семьям вернуться в Иерусалим и возле Храма основать синагогу и мидраш. В 661 г. родоначальник династии Омейядов Муавия I, провозглашенный халифом в Иерусалиме* На том самом месте, где стояла деревянная мечеть, соорудил каменную, а через двадцать с лишним лет другой халиф из этой же династии, правивший из Дамаска, Абд ал-Малик возвел монументальную постройку "Купол под скалой". Над той самой скалой, которая считается, по Библии, краеугольным камнем мироздания. Мусульмане считали, что именно с этой скалы Мухаммад взлетел на небо. Строительство "Купола над скалой" произошло между 687 и 691 гг. По мнению историков, место для возведения этого монументального здания было выбрано по политическим, а не по религиозным соображениям. Не вдаваясь в подробности, скажу, что важно было, с одной стороны, подчеркнуть мусульманский, а не христианский характер города, а с другой - ослабить влияние Мекки на мусульман и усилить власть халифов из династии Омейядов. Поэтому паломникам прежде, чем попасть в Мекку, предстояло побывать в Иерусалиме и, естественно, пополнить местную казну пожертвованиями. Отсюда строительство красивейших мечетей, если не затмевающих своей красотой мечети Мекки и Медины, то, по крайней мере, не уступающих им в великолепии. Напомню, что до 11 в. ислам не претендовал на Иерусалим и только при Саладине город был объявлен исламской святыней. Однако никогда он не провозглашался арабской столицей. Хотя Мухаммад практически не покидал Аравийский полуостров, но уже после его смерти и после выхода священной книги ислама Коран (араб. Куран - букв. "чтение") возникла легенда о знаменитом ночном путешествии Мухаммада в Иерусалим и его вознесении на небеса. Она основана на развитии первого стиха 17 суры (главы) Корана, где сказано: "Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной (в г. Мекка - П.К) в мечеть отдаленнейшую". В связи с тем, что в Коране не указывается, где находится отдаленнейшая мечеть, мнения теологов о ее местонахождении разделились: одни полагают - на небе, другие - в Иерусалиме, на Храмовой горе. Но возвратимся к легенде: "Темной ночью, когда Мухаммад спал около каабы (священного камня в Мекке), его разбудил ангел Гавриил (по-арабски Джibriл), посадил на белого коня с женским лицом и лошадиными щеками. За необыкновенную быстроту его называли ал-Бурак (молния). Во время полета с земли раздался голос, и Джibriл велел Мухаммаду спуститься на землю и там помолиться. Когда он возвратился, Джibriл ему объяснил, что он молился на горе Синай, где когда-то Моше (по-арабски Муса) общался с Аллахом. Во второй раз Мухаммад опять оказался на земле. На этот раз в Вифлееме, где родился Иисус (по-арабски Иса). Пока летели дальше, трижды раздавались голоса с земли, но конь не останавливался на зовы. Джibriл объяснил причину. Если бы остановились в первый раз на голос, принадлежавший еврею, тогда арабы выбрали бы иудейскую веру если бы остановились на второй зов, принадлежавший христианину, стали бы христианами если бы откликнулись на третий голос, а это были тщеславие, богатство и разврат, тогда арабы были бы обречены на вырождение. Наконец Мухаммад достиг Иерусалима и святого Храма. Он привязал коня к кольцу (позднейшая версия 20-х годов 20 в. - Мухаммад его привязал якобы к Стене плача!), вошел в Храм и повстречался там с Авраамом (по-арабски Ибрагим), Моше и Иисусом. Помолвившись вместе с ними, он увидел, что с неба спускается лестница, нижний конец которой упирается в священный камень мироздания и, поддерживаемый Джibriлом, стал подниматься по лестнице к небесам. Мухаммад побывал на семи небесах (каждое небо из разного драгоценного камня и цвета), где беседовал с Адамом, Ноем, Авраамом, Моше, Давидом, Иисусом и другими пророками. Моше при виде Мухаммада расплакался, так как понял, что Мухаммад поведет за собой в рай больше народа, чем это сумел сделать он, Моше. На седьмом небе произошла встреча с Авраамом, а также с самим Аллахом, который изложил ему все, что должно быть в Коране, и велел арабам молиться 50 раз в день. Когда на обратном пути Мухаммад пролетал над Синаем, Моше сказал ему, что ни один нормальный человек не может молиться 50 раз в день, и посоветовал вернуться к Аллаху и попросить уменьшить число молитв. После небольшого торга Аллах разрешил арабам молиться только пять раз в день.

Так заканчивается эта легенда. Следует лишь добавить, что когда скала начала подниматься вместе с Мухаммадом на небо, ангел Джibriл остановил ее рукой. С тех пор на ней след его руки. И еще.

Ислам (букв, послушание), базируясь на глубокой национальной основе, вобрал в себя некоторые иудейские и христианские догматы, но главное - основные положения Библии о едином Б-ге. Согласно традиции, первым арабом был Ишмаэль, сын праотца Авраама, и служанки Агарь. Одна из многочисленных концепций новой монотеистической религии мусульман сводится к тому, что иудейские и христианские цари и святые, именуемые в исламе пророками (Авраам, Моше, Давид, Шломо, Иисус и т.д.), не были поняты ни иудеями, ни христианами, и поэтому Аллаху пришлось предложить Мухаммаду создать новую религию и стать последним и главным ее пророком.

Конечно, с точки зрения сегодняшнего дня, эти рассуждения кажутся наивными и примитивными, но в 7 в. они звучали вполне убедительно. Последнее обстоятельство, очевидно, не учел один европейский историк, сказав однажды, что "ислам это смесь эрудиции, интуиции и невежества". Конечно, это не так, но что-то в этом есть.

Основатель ислама Мухаммад (570-632 г. н.э.) был не только хорошо знаком с основными предписаниями иудаизма, но и сам вначале следовал им и внедрял в повседневную жизнь. Когда он в 622 г. был изгнан из своего родного города Мекки (этот год считается началом мусульманского летоисчисления, хиджра) в Медину, он обратился к живущим там богатым евреям и предложил им принять новую религию. Евреи отказались. Отказ поверг пророка в страшный гнев, и началась цепь преследований евреев. В этот период было убито 600 мужчин, проданы в рабство дети и женщины. Однако надо сказать, что примерно с 8 века арабы стали более терпимыми к евреям, чем в 7 в., при Мухаммаде.

После отказа евреев принять новую религию Мухаммад изменил ранее введенные им религиозные правила, основывавшиеся на иудейских. Так, вместо обращения во время молитвы в сторону Иерусалима, как это делают евреи, арабам было предписано молиться в сторону Мекки вместо субботы, священного дня отдыха иудеев, была выбрана пятница, когда, согласно Библии, сотворен человек. Вместо поста в Йом Кипур - пост в Рамадан в течение одного месяца. Из иудейских законов оставлено в силе обрезание, но не на восьмой день, а на тринадцатый год со дня рождения мальчика. Сохранился запрет на свинину, к которому прибавился запрет на вино. Эти новшества подкрепились объявлением джихада противникам ислама.

Я уже рассказывала о том, что Храмовую гору, накопившую тысячелетия иудейской святости, важно было объявить священным местом ислама и что скрытой побудительной причиной явилась политическая борьба за гегемонию в этом регионе. О том, как отыскивали святое место, именовавшееся Храм Давида (вместо Храма Соломона), повествуется в арабской хронике 14 в.

"Когда халиф Омар завоевал святой город, он сказал патриарху: "Проводи нас к храму Давида". Патриарх согласился... Он шел впереди Омара вместе с соратниками, а мы - рассказывает автор хроники - шли позади халифа. Так мы вошли в святой город, и патриарх привел нас в церковь и сказал: 'Это Храм Давида'. Омар посмотрел вокруг, задумался, затем сказал патриарху: 'Ты лжешь, пророк описывал мне Храм Давида, и это не он. Тогда патриарх повел нас в сионскую церковь и снова сказал: 'Вот Храм Давида'. Но халиф отвечал ему: 'Ты лжешь'. Тогда патриарх повел нас дальше, пока мы не подошли к Харам аш-Шарифу (арабское название Храмовой горы) и не достигли ворот, названных позднее Ворота Мухаммада. Ступени этих ворот, как и все пространство Харам аш-Шарифа, было покрыто нечистотами, заполнявшими даже улицу, на которую выходили ворота... Наконец они добрались до Храмовой горы. Омар огляделся вокруг и погрузился в глубокое молчание. Затем сказал: "Клянусь именем того, в чьих руках пребывает душа моя, - это то место, которое мне описывал посланник Бога (имеется в виду Мухаммад - П.К.)".

Далее в легенде рассказывается, что в свите Омара был еврей, перешедший в ислам, у которого Омар и спросил: "О, Абу-Исхак, знаешь ли ты, где находится скала?" Еврей ответил: "Отмерь от источника в долине Ге бен Хинном столько-то локтей, там начни копать, и ты найдешь ее", и добавил: "Сейчас это место покрыто нечистотами". Стали копать и обнаружили скалу. Тогда Омар спросил Абу-Исхака: "Где, по-твоему, нам следует строить святилище?" Тот сказал: "Отведи место для него позади скалы, и ты тогда совместишь две киблы - и Мусы и Мухаммада". Омар ответил ему: "Ты все еще тянешься к евреям, о, Абу-Исхак! Но мы поставим святилище перед скалой". Тут надо заметить: если бы Омар внял советам бывшего еврея, мусульмане, молясь, обращались бы лицом одновременно к скале, т.е. к еврейскому Храму, как молятся евреи, и к Мекке, куда мусульмане обращаются во время молитвы. Но этого, как мы видим, не произошло. Так была воздвигнута мечеть ал-Ак-са в южной части Храмовой горы.

Это легенды. Так происходило на самом деле или не так - никто не знает, но известно, что Храмовая гора была в запустении. Существует предположение, что Второй храм находился в 100 м севернее "Купола над скалой". Однако с легендами, как и с традициями, не спорят.

На небольшой площадке, перед спуском к Стене плача, открывается прекрасный вид на Храмовую и Масличную горы, церкви и мечети...

В мечеть ал-Акса (отдаленнейшая мечеть), по легенде, Мухаммад попал во время своего ночного путешествия. Этой мечети под черным куполом не повезло. Построенная между 705 и 715 гг. сыном Абу Аль-Малика, Валидом, она полностью или частично разрушалась пять или шесть раз: то от землетрясений, то от пожаров, то от войн. В последний раз ее поджег в 1969 г. турист-австралиец. И еще: в 1951 г. арабы убили здесь короля Иордании, Абдалу. Его внук, нынешний король Иордании Хусейн, спасся чудом, благодаря броши, висевшей у него на груди.

Так как мечеть ал-Акса, по легенде, осенена самим пророком Мухаммедом, то многие мусульманские правители считают своим священным долгом субсидировать реставрационные и ремонтные работы в мечети. В 1187 г. это был Салахадин, изгнавший крестоносцев из Иерусалима, а в наш, 20 в., это короли Египта, Марокко, Иордании и главы других, немусульманских, государств.

Согласно историческим источникам, эта часто разрушавшаяся мечеть только в 10 в. приобрела более или менее стабильный облик: прямоугольное здание, вытянутое с востока на запад. В северной стене было 15 дверей по числу нефов, центральный из которых вдвое шире остальных и перекрыт двухскатной крышей. Около михраба, ниши в стене, обращенной в сторону Мекки, находился деревянный купол диаметром 11 м. После очередного землетрясения и частичного разрушения мечети ал-Акса в 1035 г. она вновь была отстроена, но уже имела семь нефов. В 1128 г. ал-Акса из мечети превратилась во дворец иерусалимского короля крестоносцев Болдуина II, подарившего свой дворец-мечеть ордену тамплиеров (храмовников) сама бывшая мечеть стала называться храмом Соломона, севернее которого находились просторные подземелья, где крестоносцы держали своих лошадей. Так  х пор и сохранилось название этих подземелий - Соломоновы конюшни.

Саладин, мусульманский правитель, курд по происхождению, правивший из Сирии, изгнав в 1178 г. крестоносцев, восстановил мечеть, приказал привезти туда из города Халеби древний мин-бар (трибуна для проповедника) и установить его там.

В настоящее время интерьер мечети представляет собой большой зал с семью нефами длиной 90x60 м. Зал разделен двумя рядами колонн на три равные части. В северной стене мечети семь дверей, семь входов. И это очень удобно: мечеть одновременно может вместить до 5 тыс. чел. У северного крыла мечети вам непременно расскажут, что отсюда пророк Мухаммад вознесся на небо, когда прилетел на своем коне ал-Бураке. Ваше внимание обратят, несомненно, и на колонны из каррского мрамора и не забудут сказать, что это подарок самого Муссолини.

В этой мечети, как и в любой другой, имеются кибла, ниша, указывающая направление молитвы, и справа от нее - минбар. Первый минбар, на котором сидел Мухаммад и проповедовал, представлял собой высокое сиденье, к которому вели две ступеньки. Сначала он служил символом власти, а с 8-9 вв. - местом для проповедей. В ал-Акса это лестница внутри мечети с деревянным навесом над ней и верхней площадкой, откуда произносятся проповеди.

Впечатление от посещения мечети с красивыми коврами, колоннами и оконными витражами было вконец испорчено, когда я увидела в небольшой комнате перед входом фотографии молодых людей, убитых израильтянами в 1990 г. во время беспорядков на Храмовой горе. Под фотографиями на арабском и английском языках сообщался возраст погибших и содержались сведения об их жизни. Естественно, не говорилось о причинах, повлекших гибель семнадцати человек.

Накануне пятницы арабы принесли на Храмовую гору каменные блоки и другие орудия интифады, и когда к Стене плача стали стекаться евреи, на их головы сверху посыпались камни различных размеров. Полиция и армия принялись наводить порядок, в результате семнадцать человек погибли.

Когда я рассказываю об ал-Акса, я никогда не забываю упомянуть об этом своеобразном музее интифады с фотографиями и окровавленными куфиями погибших. Так у нас сосуществуют мир и

война, политика и религия. Говорят, что мы политизированы. Согласна. От политики никуда не уйти. Мы - евреи и арбы - живем с ней...

А теперь о более раннем купольном сооружении на Храмовой горе - Куббат ас Сахра - "Купол над скалой" (мечеть Омара). На этой горе Авраам собирался принести в жертву своего сына Ицхака, а по мусульманской традиции, здесь побывал Мухам-мад. "Купол над скалой", третья святыня ислама (после Мекки и Медины), был построен в 686 - 691 годах при Абд ал-Малике, халифе из династии Омейядов. Это сооружение типа мемориала создано для увековечения памяти о пребывании здесь пророка Мухаммада. В нем не молятся.

"Купол над скалой" в отличие от мечети ал-Акса не разрушался от землетрясений, не знал пожаров и устоял от войн. Раз в несколько десятков лет он встает на профилактический ремонт или реставрацию. Один из наиболее оригинальных памятников мусульманской культовой архитектуры, мемориал был построен византийскими мастерами, так как искусством зодчества арабы тогда еще не владели. Сооружение купольное. Высота купола, возведенного над скалой, 30 м, диаметр 20,5 м. Кроме наружного свода, покрытого позолотой, имеется внутренний, деревянный. Полутораметровое расстояние между ними создает эффект галереи и дает возможность производить ремонт внутренней поверхности куполов. Купольная часть сооружения покоится на восьмиграннике стен. Каждая грань 20 м. Нижняя часть наружных стен выложена голубыми и золотистыми плитами. Внутренние стены облицованы цветным мрамором, причем каждый цвет представлен семью оттенками, и, хотя в мечетях не принято изображать святых, оттенки цветов подобраны так, что при известном освещении и определенной позиции вы можете увидеть человеческие лики. Купол поддерживают четыре пилон, между ними по три каменные колонны. По всей длине фриза мозаичная надпись с датой завершения постройки (72 г. хиджры) и именем Абд ал-Малика, которое впоследствии местный правитель ал-Мамун заменил своим, но первоначальную дату забыл стереть, так что она осталась нетронутой. В мемориале четыре накрест расположенные двери, называемые также воротами.

Южные ворота это "врата молитвы", куда направляются взоры правоверных во время молитв. Восточные ворота, по традиции, связываются с пророком Даудом (царем Давидом), который будто бы сидел здесь и вершил суд около северных ворот установлен широкий постамент, на который кладут умершего, чтобы он приблизился к раю. Западные ворота связаны с приходом пророков для беседы с Мухаммадом. В мемориале тридцать шесть окон. Витражи выполнены в стиле восточной орнаменталистики с использованием геометрических фигур и элементов флоры. И наконец, самое главное: в центральной части мемориала лежит огромный краеугольный камень, отделенный от посетителей барьером и сеткой.

Перед спуском вниз, к подножию скалы, замечаешь какие-то вмятины на скале. Вам объяснят, что это следы руки ангела Джibriла и копыт лошади Мухаммеда, ал-Бурака. Мусульманская традиция гласит, что следы святых остаются на века. Традиция не нова. В церкви гроба Господня вам покажут отпечатки стоп Христа. Так что ни удивляться, ни спорить не приходится. Традиция!

В 11-12 вв, при крестоносцах, "Купол над скалой" был превращен ими в церковь гроба Господня. С тех пор сохранился деревянный алтарь и арка над входом в т.н. "пещеру бездны", которую мусульмане называют "колодцем душ". К ней ведут 11 ступенек. По арабскому преданию, в день Страшного Суда там соберутся души умерших. Здесь, в пещере, четыре ниши, пробуренные в скале. Каждая из них посвящена одному из пророков: Давиду, Шломо, Аврааму и Джibriлу. Сюда же, в пещеру, прилетают ветры и разлетаются на все четыре стороны света.

На Храмовой горе разбит прекрасный парк, посажены деревья редких пород, имеются фонтаны для омовения рук, несколько небольших мечетей и Музей ислама.

После Шестидневной войны Храмовая гора перешла во владение Израиля, но правительство разрешило мусульманам автономно управлять святынями ислама, расположенными на Храмовой горе.

Храмовая гора не принадлежит к моим любимым местам. Мне здесь неуютно. Это интересный, но чужой, враждебный мне мир, и поскольку я с ним ежедневно сталкиваюсь и вижу его не в привлекательном свете, его красивые легенды и прекрасные сооружения не вызывают у меня теплых чувств и как-то настораживают. С тревогой жду, когда последователи Мухаммада, нами же вооруженные, предъявят свои права на Иерусалим и весь Эрец-Израэль. И тогда мы уже не станем умиляться золотым куполом и будем терпеливо ждать Мессии или чуда, потому что, как говорят

ватики, быть в Израиле реалистом это значит верить в чудо.

Западная стена (Стена плача)

Если бы римляне, превратившие Иерусалим в 70 г. н.э. в развалины, могли предположить, что не разрушенная ими стена, окружавшая Храмовую гору, станет святыней поверженного народа, ее, вероятно, постигла бы такая же участь, как и Храма. Но Стена стоит уже около двух тысяч лет и из символа поражения нации превратилась в символ ее жизнестойкости и победы.

На протяжении столетий, пока Иерусалим находился в руках римлян, христиан и мусульман, евреям запрещалось не только молиться около Стены, но и приближаться к ней. Однако, когда наступали времена послаблений и отмены запретов, они приходили к Стене, чтобы в молитве к Б-гу облегчить душу, посетовать на свою горькую судьбу и попросить Всевышнего о скорейшем избавлении. В обращениях к Б-гу было выплакано столько слез, что уцелевшую в веках Западную стену стали называть Стеной плача. Кто и когда придумал это название, никто не знает, но коренные израильтяне так ее не называют. Если вы попросите таксиста отвезти вас к Стене плача, он скажет, что такой не знает. Израильтяне называют ее "Котел ха-маарави" (Западная стена) или сокращенно "Котел" (Стена). Никто не знает также, когда зародился обычай вкладывать в Стену записки к Б-гу, но эта традиция существует и поныне. Посетившие Стену плача впервые уверяют, что она как бы пробудила их генную память и они почувствовали свою принадлежность к этой земле и к этой Стене, открывшей им путь к истокам.

А для меня Стена плача это еще и камни, на которых запечатлена наша живая история. Когда-то сын рава Авраама Ицхака Кука, раввин Цви Иехуда Кук, в своей книге "Ли-нетивот Исраэль" ("К путям Израиля") писал: "Есть сердца разные: есть человеческие сердца и есть сердца каменные, есть разные камни - камни молчания и камни сердца". Я думаю это высказывание рава Кука можно отнести и к Стене плача. А в одной популярной ивритской песне эта мысль передается проще: "Есть люди с сердцами из камня, есть камни с сердцами людей!" Это тоже о Стене плача. В ее возрасте умеют понимать человеческие сердца.

Когда же воздвигалась Стена и кем?

Западная стена это часть уцелевшей подпорной стены вокруг Храмовой горы. Она была построена Иродом I во время расширения площади горы и перестройки самого Храма в 1 веке до н.э. Стена была сложена из огромных тесаных камней длиной от 1,5 до 12 м и весом от 200 до 700 тонн. До сегодняшнего дня сохранилось пять рядов иродианской кладки, а над ними - камни значительно меньшие по величине, сложенные в различные периоды истории Иерусалима. Всего в стене 27 рядов камней, и ее высота сейчас достигает 18 метров. Более ста лет назад английский археолог Ч.Уоррен с помощью глубокого шахт, прорубленных под северной стороной Стены, достиг скального грунта, на котором была возведена стена, и установил, что под землей имеются еще 19 рядов каменной кладки времен Ирода.

Вверху, у северного угла Стены, сохранилась арка, названная в честь археолога, открывшего ее, "Арка Вильсона". Она тоже была построена при Ироде и являлась частью моста, соединяющего Храмовую гору с Верхним городом. Сейчас за аркой находится мужское отделение синагоги. У входа в женскую молельню Стены плача - остатки ворот иродианского периода. До Шестидневной войны лишь небольшой участок земли около Стены был отведен для молитв. Да и то к этому пространству вплотную подступали арабские домики, завалы камней и мусора...

Когда стали молиться у Стены плача? В течение четырех веков евреям не разрешалось сюда приходить, и им приходилось в день 9 Ава, т.е. в день разрушения обоих Храмов, подниматься лишь на Масличную гору, находящуюся против восточной стены Старого города, и молиться на то место, где когда-то стоял Храм. С 5 в. н.э. евреи молились у Западной стены. Постепенно связь с Западной стеной укреплялась: здесь евреи искали утешение и обретали надежду на возрождение своего народа. Однако зависимость от мусульманских правителей, препятствия, чинимые на пути к Стене, заставили состоятельных евреев искать какой-то выход из создавшегося положения. Было решено выкупить Стену плача. Первая попытка, окончившаяся неудачей, была совершена хахамом Абдулой из Бомбея в 1850 г. Через десять лет сэр Монтефиоре эту попытку повторил и тоже неудачно. Через двадцать семь лет, в 1887 г., де Ротшильд не смог договориться с турками, а перед Первой мировой войной потерпел

фиаско и англо-палестинский банк. Причины отказа были разные, но одна из них преобладала: около Стены похоронен мусульманский святой, и это место не может быть осквернено.

Декларация Бальфура, в которой признавалось право евреев на создание национального очага, вызвала бурю протестов у мусульман: начались антиеврейские кампании и усилились нападения на евреев, где бы они ни находились - у Стены плача или в любом другом месте Иерусалима и Палестины. В 20-х годах была пущена в ход легенда, будто Мухаммад привязал своего коня ал-Бурака к Стене плача и тем самым освятил ее - следовательно, евреи не имеют на нее никакого права. А затем арабы перешли к активным действиям: то и дело разрушали перегородку, установленную между мужской и женской половиной небольшой территории у Стены, выбрасывали сиденья для молившихся, запрещали трубить в шофар в Рош ха-Шана и в Йом Кипур и т.д. Сейчас эти запреты кажутся мелкими, незначительными, но тогда они рассматривались как оскорбление национального и религиозного достоинства евреев. Поскольку нейтральная позиция англичан, осуществлявших мандат на Палестину, была скорее проарабской, чем проеврейской, они часто арестовывали евреев за несоблюдение запретов, введенных властями.

В 1949 г. в результате окончания Войны за Независимость пришлось оставить Старый город согласно заключенному соглашению с Иорданией, евреям разрешалось молиться у Западной стены. Однако на самом деле на протяжении 19 лет иорданской оккупации евреи к Стене не допускались.

И вот Шестидневная война 1967 г. Иерусалим объединен. 3 июня 1967 г. вышел боевой листок ЦАХАЛа: "Западная стена в наших руках. Солдаты ЦАХАЛа вернули народу это святое место. После тысяча восемьсот девяносто семи лет (1897) стена, окружающая Старый город, больше не служит границей между еврейским и иорданским городом Иерусалима. Столица Иерусалим вернулась вчера снова, чтобы стать историческим Иерусалимом. Еврейское знамя поднято у Западной Стены".

Командир подразделения, освобождавшего Иерусалим, теперь генерал в отставке, Узи Наркис в своей книге "Иерусалим единственный" очень точно передал то состояние, которое охватывало тогда участников боев за Иерусалим, и мне трудно удержаться от цитирования.

"Быстрым шагом мы пошли к ступеням широкой лестницы, ведущей к воротам Муграби, потом, еле сдерживая нетерпение, побежали по узкому переулку, спустились по ступеням, повернули направо и еще раз направо и... вышли к Западной стене. Дрожь проняла меня. Западная стена. Святая и легендарная. Древняя и желанная. Тяжелые камни, проросшие травой...

В то время перед Стеной не было площади, арабы застроили все подходы к ней, оставив узкий коридор, но сейчас он был полон. Усталые солдаты-десантники, закопченные, перепачканные офицеры. Многие плакали. Некоторые трогали камни, прижимались к ним лицами, телами.

Раввин Шломо Горен - в то время главный ашкеназийский раввин Израиля (после Шестидневной войны генерал Шломо Горен стал главным раввином ЦАХАЛа - П.К.) - протрубил в шофар и громовым голосом провозгласил 'Благословен Ты, Господи, утешитель Сиона, восстанавливающий Иерусалим. Амен'. Тут он заметил меня, обнял крепко и расцеловал. И все вокруг целовались и обнимались. Затем Горен прочитал зауспокойную молитву, кадиш, о всех, кто пал за Израиль и еврейский народ.

Я с трудом сдерживал слезы. Вокруг меня одни смеялись, другие рыдали, третьи молились. Боль и счастье переполняли душу. А Горен снова трубит в рог и возвещает: 'Сбылось! Мы всегда говорили: "В будущем году в Иерусалиме". И вот мы у Стены Храма!'

Мы запели гимн 'Ха-тиква'. К нам присоединились десантники, охрипшие после боя. Мы пели и плакали, выражая чувства всего еврейского народа,ждавшего великого часа".

Таково свидетельство участника и современника событий, Узи Наркиса.

С тех пор прошло около тридцати лет. Сейчас перед Стеной большая площадь, куда стекается народ по праздникам и в торжественные дни и где солдаты приносят присягу.

Я часто бываю у Стены плача - и в праздники, и с гостями, и когда мне нехорошо. Нет, я не беру молитвенника. И не пишу записок. Прикасаюсь к Стене рукой и долго стою перед ней. Когда

чувствую, что полегчало, ухожу. По дороге разные мысли приходят в голову, вот такие, например: кто надстраивал Стену, когда она разрушалась? Может, Всевышний? Ведь сказано: "Никогда не оставляет Шехина Западной стены, и поклялся Господь, что Стена будет стоять вечно!"

Об этом же говорится в легенде, связанной с царем Шломо, который поделил работы по постройке Храма между разными слоями населения, и на долю бедняков выпало строить Западную стену. Но так как бедняки не могли нанять работников себе в помощь, им пришлось тяжело трудиться. И вот во время разрушения Храма спустились на землю ангелы, распростерли крылья свои над Стеной и сказали: "Стена - труд бедняков и никогда не будет разрушена".

Пророческое предвидение. Когда я читаю его, мне кажется, что и к нам спустятся с небес ангелы, прикроют Иерусалим своими крыльями и скажут словами первого премьер-министра Государства Израиль безбожника Бен-Гуриона: "Ценность Иерусалима не поддается ни измерению, ни исчислению если у страны может быть душа, то Иерусалим - душа Эрец-Исраэль".

Послесловие

Закончилась экскурсия по Иерусалиму - такому, каким я его вижу. Возможно, мое видение субъективно, но оно свободно.

В жизни ничего нельзя предугадать. Если бы семнадцать лет назад мне сказали, что я напишу книгу об Иерусалиме, я бы рассмеялась - настолько тогда это звучало бы нелепо. Потому что душой я еще оставалась в Москве, где прошла большая часть моей жизни. Но годы лечат. Москву вытеснил Иерусалим, и я приросла к нему всем сердцем, как дай Б-г каждому. И когда меня попросили написать о нем, я не удивилась и даже подумала: "А почему бы и нет?" Ведь я работаю гидом в Музее Иерусалима, вожу по городу друзей и их приятелей и, самое главное, готова поделиться с каждым своими знаниями об этом уникальном городе, в котором наша история и наша религия соприкасаются с чужими историями и чужими религиями. Прочитано и изучено много источников, исхожены памятные места, и каждый раз открывается что-то новое и неожиданное, интересное и удивительное.

Книга "Мой Иерусалим" это не исторический очерк и не путеводитель по городу. Это сборник рассказов гида об истории лишь некоторых улиц, домов и людей, их населявших или их строивших. Вне рамок рассказа осталось еще немало объектов. Часть из них воспроизводится в иллюстрациях на обложке книги.

В основу сборника положены сведения, почерпнутые в основном из Краткой Еврейской Энциклопедии. По ней сверялись также написания имен, названия и даты. Всякий раз, обращаясь к Энциклопедии, я благодарю судьбу за то, что у нас, русскоговорящих, она есть.

Я глубоко признательна тем, кто сам того не сознавая помог мне написать эту книгу: Фане Штрул, моему первому гиду по Израилю и Иерусалиму Иосефу Дрори, Яиру Камайскому и Шмуэлю Мучнику - археологам, историкам и экскурсоводам, лекции и экскурсии которых открыли мне Иерусалим Марку Кипнису, одному из авторов и редакторов Еврейской Энциклопедии, неординарные и блестящие лекции которого по истории нашего народа оказали на меня большое влияние и придали мне решимость приступить к написанию книги "Мой Иерусалим" Наташе Исраэли, коллеге по музею, гиду, оказавшему мне неоценимую помощь в переводах текстов с иврита.

Если после прочтения книги "Мой Иерусалим" читатель почувствует его своим, я буду счастлива.

Автор



Ваша оценка этой темы

1 2 3 4 5

Голосовать